

ГАЛИНА РОМАНОВА

ИГРЫ В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Игры в личную жизнь

«ЭКСМО»

2004

Романова Г. В.

Игры в личную жизнь / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2004 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-21931-5

Личная жизнь Александры совершает крутой вираж после того, как на нее внезапно обрушивается огромное наследство. Странное поведение любовника, скоропалительная женитьба совсем юного сына на стервозной девице... К тому же папаша этой девицы грубо пристаёт к Александре, и это доводит ее просто до бешенства! Но есть и кое-что похуже – неизвестные похищают сына и его молодую жену, а в квартире самой Александры устраивают погром. Понять, что все это значит, бедная женщина сможет, лишь вернувшись в городок своего детства. Оказывается, все дело в той, прошлой личной жизни... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-21931-5

© Романова Г. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Игры в личную жизнь

Глава 1

Всякий раз, когда у меня начинает налаживаться жизнь, я пугаюсь. А если уж она вдруг начинает бить ключом, то вообще впору впасть в депрессию. И не потому, что я отношусь к экстремалам, дрейфующим по жизни на адреналиновых волнах. А потому, что всякий раз после того, как фортуна соблаговолила мне улыбнуться, в моей жизни начинается такое!..

Очередной судьбоносный виток не заставил себя долго ждать. Именно он вынудил меня настороженно замереть с телефонной трубкой около уха. И именно с него начался период, вспоминать о котором я еще долго не смогу без содрогания.

– Сашенька? – вкрадчиво обрушили на меня полувопрос-полуутверждение.

Так, все ясно, на том конце провода повисла тетя Соня – давняя подруга моей единственной тетки по матери. Что-то ей в очередной раз от меня понадобилось. В прошлом месяце это был телефонный аппарат с определителем. В позапрошлом – китайская циновка из тростника. Или наоборот... Нет, не помню точно. Просьб было так много, что проследить их последовательность не представлялось возможным. Что ей теперь понадобилось?

– Да, тетя Соня, это я, – как можно приветливее выдала я и настороженно притихла.

– Так я поняла, что это ты, дорогая! – возмущенным фальцетом ответила тетя Соня и вдруг не к месту всхлипнула: – Думаешь, что тетка Сонька – совсем дура старая! А она еще ого-го!..

И снова слезы. Странно... Такого прежде не случалось, даже когда дело касалось ее богатырского здоровья. А оно у нее на самом деле было богатырским, невзирая на тонны лекарственных средств, которые она закупала при каждом удобном случае.

– Тетя Соня? – пришел мой черед задавать вопросы. – Что-то случилось? Почему ты плачешь?

– Ах, Сашенька, – воскликнула теткина приятельница несколько патетично. – Жизнь так несправедлива к хорошим людям... И хотя говорят, что господь забирает к себе достойнейших, я считаю, что это неправильно!

– Что-то с тетей? – Хорошо, что в прихожей рядом с телефонной тумбочкой стояла крохотная банкетка, иначе я рухнула бы прямо на пол. – Что с ней?!

– С Таисией? – с каким-то необъяснимым трогательным недоумением поинтересовалась тетя Соня, за что мне немедленно захотелось трахнуть ее трубкой по голове. – А что с ней может случиться-то? Она в целости и сохранности... надеюсь.

– Но ты только что говорила про господя и несправедливость, – забормотала я быстро, с чудовищным облегчением выбрасывая вперед ноги и упираясь ступнями в противоположную стенку прихожей. – И я подумала...

– Вздорная девчонка! – оборвала мой лепет тетя Соня и, кажется, даже хохотнула. – Это в соседнем доме один мой знакомый...

И пошло, и поехало! За пятнадцать минут я много чего узнала из жизни несчастного, но вопреки обыкновению не злилась, а терпеливо все выслушивала. С теткой все было нормально, значит, можно расслабиться и позволить одинокой женщине выговориться. Я была уверена, что позвонила она по делу и рано или поздно об этом вспомнит.

– Да, Сашуня, – опомнилась тетя Соня, исчерпав весь лимит словесной скорби. – Таисия уехала, ты знаешь, да?

– Да, да, конечно. – Тетка недавно вышла замуж за бельгийца и уехала, даже не успев проститься с племянницей, жившей в сотне километров от ее областного центра.

– Она прислала мне письмо с кучей каких-то доверенностей на твое имя. Просит, чтобы ты продала все ее движимое и недвижимое имущество и все средства от продаж использовала по собственному усмотрению.

Как вам подобная новость?! Такое могла вытворить только моя Таисия. Мало ей было уехать, забыв меня оповестить о дне отъезда. Так она еще сделала меня своей душеприказчицей, причем через посредников. Нет, ну это просто верх легкомыслия!

– Квартира, дом, дача, гараж... – перечисляла тетя Соня, громко шурша бумагами, очевидно, перелистывая их прямо по ходу рассказа о теткинх распоряжениях. – Все это ты имеешь право продать, а деньги взять себе.

– Господи! – потрясенно вымолвила я. – Но почему такая спешка? Может быть, она еще вернется, и тогда...

– Ты что, Сашунь, Таисью не знаешь? Ее теперь сюда никакими калачами не заманишь. К тому же, пишет она, это самое малое, что она может для тебя сделать. Я вот тоже подумываю завещанище сгондобить. Жизнь-то, она, видишь, как поворачивает! Сегодня живы-здоровы, а завтра... Сашка, я ведь тоже тебе хочу все оставить. Мою квартиру, конечно, с Тайкиной не сравнить, но расположена она в самом центре, выручишь хорошо за нее.

– Вы что?! – змеей зашипела я в трубку. – С ума, что ли, походили с ней на пару?! Ладно, тетка – человек теперь обеспеченный и может позволить себе всякую блажь. К тому же, зная ее неприятие по отношению к российскому налоговому законодательству, я мало удивляюсь ее решению. Но ты-то, тетя Сонь, ты-то что?!

– Ладно, не вхохчи, – тетя Соня довольно хмыкнула. – Лучше похлопочи насчет отпуска, а я пока покупателем буду тебе подыскивать. Все, Сашка, давай прощаться, а то я с тобой сейчас всю свою пенсию проговорю...

Мы наскоро простились. Я осторожно вернула трубку на телефонный аппарат и несколько минут тупо рассматривала вытершиеся у выключателя обои.

Итак, что получается... Таисия, непонятно из каких соображений, решила избавиться от всей своей недвижимости. То ли надоело ей платить налоги, то ли это очередной всплеск нерастраченных материнских чувств по отношению ко мне, то ли устроилась она как нельзя лучше и полтора-два миллиона российских деревянных для нее пустой звук. Но вот мне-то они как раз и не помешают!

– Класс... – сами собой прошептали мои губы, и следом горло исторгло чудовищный по силе звука вопль: – Славка! Вставай, тюлень! Вставай немедленно!

Дверь комнаты сына захлопнулась с диким грохотом. Видимо, чадо решило, что материнским слабоумием он еще успеет насладиться. Во сколько он, кстати, вернулся минувшей ночью? В двенадцать ноль-ноль его еще не было – это абсолютно точно. Кроссовки у двери перепачканы не успевшей засохнуть грязью. Дождь застучал по подоконнику ближе к шести. Та-ак!.. Опять прогулял всю ночь, стервец! Потом будет ныть и канючить, что ничего не успевает, и наверняка проспит весь день... Э-эх, драть его некому, а мне самой некогда. Где же он, интересно, и с кем проплутал до шести утра?

Решительно промаршировав в комнату сына, я открыла дверь и тут же замерла на пороге. Родное чадо бодрствовало! Мало того что он успел к этому времени убрать постель, так теперь в его руках покачивались гантели.

– Привет, мать. – Славка лучезарно улыбнулся. – Дверью это не я хлопнул. Это сквозняк. Так что сделай лицо попроще и объясни, чему мы обязаны таким ликованием в столь ранний час?

– Час, допустим, далеко не ранний. Уже скоро полдень, – назидательно ответила я, прошла к окну и захлопнула створку со словами: – Сквозняк – совсем не лучший напарник в твоих упражнениях.

– Мать, ну что ты делаешь? Жарко же! – Славка отдувался и вытирал пот с лица краем широченной футболки, успевшей к тому времени уже изрядно промокнуть на спине и подмышках.

– Хватит пыхтеть, давай в ванную, и будем делиться новостями. – Я шутливо шлепнула сына по спине между лопаток и, взъерошив смоляную шевелюру, поцеловала его в макушку. – А на завтрак у нас блинчики со сгущенкой. Так что давай, мистер качок, принимай душ, и поговорим.

– О чем? – Славка отчего-то насторожился, пропустив мои слова о блинчиках со сгущенкой мимо ушей, что было более чем странным. – О чем ты хочешь со мной поговорить?

– Ну... о том, допустим, с кем ты провел минувшую ночь. – От того, как вытянулась его физиономия, мне вдруг сделалось нехорошо. Но я и тут пропустила мимо сознания интуитивное волнение, продолжив дурашливо болтать: – Хоть бы познакомил меня с ней. А то, может, у меня скоро внуки уже будут, а я все в неведении пребываю. Кто она, Славик? Какая-нибудь роковая женщина или несмышленная бесхвостая мартышка...

Господи, знала бы я, насколько была недалеко от истины! Присмотрелась бы в тот момент повнимательнее к собственному ребенку и непременно бы заметила, как он побледнел и напрягся. Как забегал сразу его взгляд, старательно обходя то место, где стояла я. Как нервно дернулся кадык на смуглой шее, а губы тут же сложились трубочкой, чтобы начать высвистывать какую-нибудь ерунду. Ведь он с детства принимался свистеть только в моменты исключительного душевного волнения, чего же тут-то я проморгала?! Почему не вцепилась в него клещом и не вытянула из него правду?! Почему не предотвратила?!

Да потому, что в тот момент мне было не до этого. В тот момент меня распирали новости, и мне не терпелось обрадовать Славку. Наобещать целую кучу разных вещей и начать за чаем мечтать обо всем, о чем раньше и думать было нельзя.

Дура душой, что сказать! Мне бы насторожиться да пораскинуть мозгами: с чего это мне вдруг так начало везти прямо с самого утра? Уж не пришел ли конец тихому и ровному течению моей жизни? А я вместо этого...

А вместо этого я подхватила сына под руку и поволокла его в кухню.

– Славка, ты себе не представляешь, что произошло! Звонила тетя Соня...

Быстро и кратко я рассказала о звонке, не забывая подливать ему крепкого чая в его любимую поллитровую кружку. Блюдце со сгущенным молоком, глубокая тарелка с блинчиками. Все было выставлено на стол в рекордно короткое время. Я села напротив, поставила локти на стол и на прежнем душевном подъеме поинтересовалась:

– Ну и как тебе новость?

– Классно, мать! – с набитым ртом пробубнил Славка, опять старательно не глядя на меня. – И на сколько же приблизительно тянет это все?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Но не меньше двух миллионов рублей, так думаю. Одна квартира чего стоит!

– А дом? Он что собой представляет?

– Слава, имей совесть! Я была там еще подростком, а мне сейчас уже тридцать восемь! Знаю, что Таисия туда вбухивала средства, но сколько и на что, не имею представления. Раньше это было шикарное строение, с колоннами и балконом. Но время, сам понимаешь, способно разрушить все. Поедем и посмотрим. Вот сдашь сессию, я возьму отпуск, и поедем.

Он даже поперхнулся от неожиданности. Завращал глазами, закашлялся, багровея лицом. Схватил кружку с чаем, выпил, обжегся. Не стесняясь в выражениях, выругался. И только потом виновато изрек:

– Мать, я не могу.

– Славик, как это не можешь? Я что, одна буду все продавать?! Ладно, квартира с гаражом, это еще куда ни шло. Все в городе. А дача? А дом? Мне что же, одной мотаться по бездорожью, в глуши? Я боюсь, в конце концов! А вдруг меня убьют? Шутка ли, такие деньги!

– Мать, прекрати! – фальцетом прокричал Славка и, осекшись, замолчал.

На него стало больно смотреть. Мой любимый и единственный ребенок в мгновение ока сделался абсолютно несчастным. Широкие крепкие плечи поникли. Глаза часто заморгали. Казалось, еще минута – и он расплачется. Блюдо с блинчиками было отодвинуто на середину стола, а его место заняли Славкины крепко стиснутые пальцы.

Вот тут во мне что-то зашевелилось. Не сразу, конечно, но какое-то смутное подозрение начало проклевываться. Внимательно, слишком внимательно я обежала взглядом всего его от пяток до макушки, пытаюсь распознать в нем нечто, способное в одночасье перечеркнуть всю мою жизнь. Но ничего не обнаружила. Ни последствий дикого похмелья, ни отметин от шприца наркомана, никаких видимых глазу следов, оставленных жадными губами шлюхи. Не обнаружилось ровным счетом ничего, указывающего на то, что мой сын в беде и пора бить настоящую тревогу и поднимать всех по команде. И мое внутреннее беспокойство мгновенно улеглось, вновь уступив место недавнему ликованию.

– Славунь, ну ладно тебе, так расстраиваться, – вытянув руку, я поймала прядь его волос и шутливо потянула за нее. – Не сможешь, значит, не сможешь. Что-нибудь придумаем. В конце концов, у меня есть тетя Соня, а она целой мотострелковой дивизии стоит.

– А ты не обидишься на меня, мать? – Славка виновато шмыгнул носом, сразу превратившись из девятнадцатилетнего юноши в десятилетнего подростка. – Я ведь и правда не могу. Просили помочь в институте, так что...

Посмела бы я обидеться, когда родные глаза смотрят на тебя с такой мольбой! Все что хочешь простишь и забудешь.

– Ладно, сынок, прорвемся! Это все же не огород копать. Хлопоты более чем приятные. Ты представляешь, что можно будет закупить?!

Вот тут пришла пора нам с ним отрываться по полной программе! О чем мы с ним только не мечтали.

Машина... Джип огромных размеров! Не новый, конечно, упаси господь от таких расхот. Но достаточно свеженький и непременно малинового цвета.

– Мать, а почему малинового-то? – хохотал надо мной Славка, когда я с горящими глазами носилась по квартире с исписанным листом бумаги в руках. – Как пожарная машина, ей-богу.

– Ты ничего не понимаешь! Малиновый, и непременно металлик! Это так... так...

– Возбуждает? – ввернуло мое коварное чадо и снова расхохоталось. – Молодая красивая женщина за рулем джипа, да еще малинового, – все мужики тогда твои, мать!

– Скажешь тоже, – отмахнулась я, но сердце приятно екнуло от подобной перспективы. Не насчет мужиков, конечно, а относительно себя самой за рулем такой крутой тачки. – Потом ремонт забабахаем. Непременно евро! Мебель всю поменяем. И съездим куда-нибудь. Обязательно съездим! Мы с тобой тысячу лет никуда не выезжали. Слушай, а может, нам переехать в Таискину квартиру? Город все-таки много больше нашего...

Славка лишь отрицательно качнул головой, отсекая все возможные пути к дискутированию. И опять меня не насторожила подобная категоричность, а ведь должна была бы! Еще как была должна...

Это была моя первая ошибка. Потом последовали вторая и третья, но об этом чуть позже. Сейчас же я, благополучно проморгав тревожные сигналы подсознания, засобиралась в отпуск.

Глава 2

Мой шеф долго чертыхался и кивал в сторону огромной кипы технической документации, пытаясь призвать меня к сознательности. Но моя твердость была непоколебима.

– Нет, Виктор Михайлович, как хочешь, но я ухожу. Третий год без отпуска, совесть имей!

Про то, что регулярно за прошедшие годы брала компенсацию, я благополучно позабыла. Но он, оказывается, не забыл...

– Так ты же сама всякий раз отказывалась! – вполне небезосновательно возмутился шеф, обиженно затеребил узел галстука и плаксиво пробормотал: – Полугодовой отчет на носу, а ты нас бросаешь. Хоть бы еще месячишко-другой потерпела.

– Ага, а через этот самый месячишко девятимесячный отчет будет на носу, потом годовой, следом пояснительную записку нужно будет готовить, а там и ежегодная налоговая проверка, и так далее и тому подобное! Виктор Михайлович, не обижайся. На сей раз отгуляю все от звонка до звонка. А если не хватит, то еще и за свой счет прихвачу.

Шеф озадачился не на шутку. Мгновение сидел, все так же ухватившись за узел галстука. Потом откинулся на высокую спинку кожаного кресла. Подозрительно прищурил рыжие кошачьи глазищи и с вполне понятным мне нажимом протянул:

– Та-ак! Что я пропустил в этой жизни, Сашок? Что-то такое, о чем мне, видимо, знать не надобно? Что произошло? Никак ты замуж собралась?!

– Может, собралась, а может, и нет, – решила я немного поддразнить его. – А разве это может сказаться на росте производительности нашего предприятия? Думаю, что нет...

Шеф насупленно молчал, сверля меня глазами. Подобная новость явно была ему неприятна. Ему так было удобно все эти годы иметь под рукой любовницу. Не приходилось особенно напрягаться и отвлекаться от семьи и работы, занимаясь ее поисками. А тут, стоило лишь вытянуть руку и шелкнуть пальцами, и она тут же усаживалась на заднее сиденье его шикарного «Вольво» и ехала туда, куда нужно.

В какой-то момент мне показалось, что я уже никогда не разорву эту связь. А сейчас настал как раз тот самый момент, когда нужно все это закончить. На этой самой невыговоренной и загадочной волне. Иначе все будет продолжаться вечно! Наш вялотекущий роман и так уже имел десятилетний стаж. С ежемесячными периодически случающимися встречами на каких-нибудь пустующих квартирах. С дежурными прощальными поцелуями и его вопросами: всем ли я была довольна.

– Все! – Я оправила на коленях юбку и решительно поднялась. – Подписывай заявление, я ухожу...

Он точно хотел добавить что-то колкое, подписывая заявление, но потом передумал и лишь беззвучно шевельнул губами. Губами, которые целовали меня время от времени, жадно крадя мою нерастраченную нежность. И мне ведь не было с ним плохо, черт возьми! Пусть не так, чтобы уж очень и хорошо, но плохо точно не было.

– Спасибо тебе, Вить, – пробормотала я негромко, вытаскивая из-под его руки подписанное заявление на отпуск.

Он сразу понял, о чем я. Он всегда понимал меня, иначе мы бы не пробыли так долго вместе. Понял и потеплел. Глаза перестали быть колючими и злыми, в них разлился рыжий мед, и заискрился, и заиграл...

– Прекрати немедленно! – угрожающе протянула я, зная, что может последовать за такими метаморфозами. – Я ухожу!

– Сашок, но не навсегда же! – хохотнул Виктор и, сильно перегнувшись через стол, успел поймать меня за подол юбки. – Ты же вернешься из отпуска. И замуж ты наверняка не соби-

раешься. Ну, устала ты, я понимаю, что устала. Мне давно, дураку, нужно было свозить тебя куда-нибудь. Ты оставь на всякий случай пяток деньков, а? Его рука легла мне на колено и заскользила по бедру все выше и выше.

– Витя-а... – Ругать его было бесполезно, ударить по руке я его тоже не могла, не те у нас были отношения, оставалось только умолять. – Я прошу тебя! Не нужно!

– Ну, хорошо, хорошо, сейчас уйдешь, – примирительно промурлыкал он, движение руки вверх по ноге прекратилось, зато вторая его рука по-хозяйски обвила меня за талию и требовательно привлекла к себе. – Ты только обнадежь меня, Сашок! Не делай мне так больно, Сашок. Только не уходи вот так...

– Как?!

Все мои благие намерения прекратить наши отношения находились сейчас под большим вопросом. Если Виктор продолжит в том же духе, то я, возможно, и от отпуска откажусь. И сегодня вечером привычно юркну в его машину под покровом темноты. И потом буду любить его до одурения на какой-нибудь квартире с запахом заброшенности и оставленных кем-то до нас окурков в переполненной пепельнице и буду называть его при этом милым и единственным.

Он и на самом деле был для меня милым и единственным после Славкиного отца, сгинувшего пятнадцать лет назад в очередной археологической экспедиции. Кто говорил, что его убили. Кто уверял меня, что видел его с какой-то молдаванкой в соседнем городе. Кто-то твердил о том, что его фамилия значилась в коллегии адвокатов штата Колорадо. Мне было плевать на все эти бредовые слухи. Как бы там ни было, он оставил меня одну с четырехлетним сыном на руках. И не вернулся больше никогда, и даже не написал ни разу. А коли так, то с глаз долой – из сердца вон.

– Сашок... – Голова Виктора начала клониться к вырезу на груди моей летней кофточки. – Сашок, не смей меня бросать вот так! Я никогда тебе этого не прощу! Ты знаешь, что ты у меня одна!

– Не мели ерунды! – Он все-таки сумел все испортить, наступив на любимую мозоль. – У тебя милая жена и пара очаровательных дочерей. Твоя спокойная гавань и... хватит уже, Виктор! Сюда могут войти!

– Сюда никто и никогда не войдет, пока ты в моем кабинете, – озвучил он негласное распоряжение, которое передавалось из уст в уста часто меняющимся секретаршам. – Я могу взять тебя прямо на этом столе, и сюда никто не войдет.

– Даже твоя Наташа?

Упоминание о супруге немного привело его в чувство, но не настолько, чтобы выпускать меня из рук.

– Сашок, давай не будем о грустном, – Виктор притворно вздохнул, обдавая горячим дыханием выемку моей груди. – Лучше скажи, ты на самом деле выходишь замуж? Я ведь этого не переживу! Я не знаю, что с собой сделаю!

– Ви-итя! – Я вырвалась и отбежала к двери, так как накал его страсти начал перерастать из разряда допустимых в разряд недозволённых. – Я не выхожу замуж. Мне нужен отпуск для того, чтобы уладить кое-какие личные дела.

– Какие? – Он шумно дышал, поправляя галстук и ероша густые русые волосы. – Какие у тебя могут быть личные дела?

Меня это откровенно возмутило. Он что же, считает, что у меня не может быть личной жизни? Что я только и живу нашими с ним ежемесячными встречами? Да, я всячески поддерживала его в этой уверенности. Но сам-то он дурак, что ли? Должен же был соображать, что роль его утешительницы мне рано или поздно приестся. И хотя я никогда не заводила с ним разговоров о его возможном разводе, он должен был понимать, что мне тоже хочется иметь своего собственного мужа, а не чужого.

– У меня могут быть личные дела, Виктор Михайлович! – с чувством выдавала я, а губы почему-то предательски дрогнули. – И вы даже не можете себе представить, насколько они могут быть личными...

Личными-то личными, но вот насколько они могут быть тягомотными, мне пришлось узнать уже менее чем через день.

– Справку с места жительства, справку о зарплате, копию паспорта, копию свидетельства о рождении ребенка, если есть несовершеннолетние... – речитативом зачитывала мне серая конторская крыса в шелковом ацетатном платье. – Еще по четыре вида заявлений на каждый субъект...

Ох, я едва головой не тронулась, узнав, сколько требуется представить всяких справок в Регистрационную палату, чтобы совершить акт купли-продажи. Какие-то планы на земельные участки и гаражи, о которых Таисия если и имела представление, то вовсе не позаботилась. Куча бумаг из инвентаризационных контор. Нотариальные подтверждения...

– Господи! – взвыла я уже через неделю, валясь без сил на кушетку тети Соны. – Мне двух жизней не хватит, чтобы все это оформить! Да и люди столько ждать не станут. Рынок наводнен недвижимостью. Видела, как смело торгуются. Нет, мне никогда этого не одолеть в одиночку! Тетя Соня, давай приобщай к этому делу кого-нибудь. Иначе этим сделкам за год не свершиться!

Это было второй моей ошибкой. Как впоследствии оказалось, одной из самых серьезных. Но растертые в кровь новыми туфлями ноги просто молили о пощаде. Никакие компрессы, никакие пластыри не могли спасти их от километровых крюков, которые приходилось нарезать в поисках все новых и новых бумаг, требующихся вездливым клеркам.

– Ладно. – Тетя Соня, сама порядком подрастерявшая энтузиазм в ежедневных изнурительных прогулках, задумчиво кивнула. – Поговорю тут с одним. Правда, болтают, что он напрямую связан с бандитами... Как бы чего не вышло...

– Мне все равно! Пусть бандиты, черти, мне все равно! Лишь бы помогли...

Помощь пришла. Пришла совсем не с той стороны, откуда изначально планировалось, но, как впоследствии оказалось, было уже поздно. Дело было спущено на тормозах, но узнать мне об этом довелось не вдруг и не сразу.

Сейчас же я лежала в окружении полутора десятков маленьких подушечек и с немым восторгом наблюдала за игрой двух крохотных котят тети Соны. Сама она, поставив кастрюлю с супом и чайник на газовую плиту, ушла к соседу. К тому самому, о котором ходила молва как о человеке почти всемогущем. Якобы в решении проблемных вопросов, касающихся наследства или купли-продажи движимого и недвижимого имущества, ему не было равных. Скажу честно, когда я его увидела, то подумала прямо противоположное.

Паренек производил впечатление неудачника. Маленький, худенький, с редкой белесоватой шевелюрой и дурацкой привычкой грызть ногти при каждом удобном случае.

– Здравствуйте, – с неуместным при знакомстве обожанием поздоровался он со мной, может, в этом и был секрет его успеха, кто знает.

– Привет. – Я скинула ноющие ноги с кушетки, нашарила тапки и пошла следом за хозяйкой и гостем в кухню.

Там уже дымился в тарелках наваристый гороховый суп. Искрилась маслом миска с салатом из помидоров и огурцов. И уютно попыхивал парком на плите старенький алюминиевый чайник. С этим раритетом тетя Соня расставаться отказалась наотрез, а я ведь ей присылала «Тефаль». Н-да, чужая душа – вечные потемки.

– Садись, Гоша, откушай с нами, – пригласила тетя Соня, но без особого радушия. – Не велико угощение, но горяченького покушать никому не помешает.

Гоша на аппетит явно не жаловался. Пара тарелок супа, значительная порция салата, все ушло на «ура». Вылизав ложку, Гоша сложил руки на столе, словно первоклассник, и с умилением воззрился на меня.

– Итак, вы желаете, чтобы я вам помог, – уточнил он после некоторой паузы. – Вам какая конкретно помощь нужна: в клиентуре, транспортные услуги, нотариальные, оформление бумаг?

Я быстро посвятила его в суть проблемы, и мы приступили к обсуждению условий сделки. Сошлись в цене быстро и без лишних торгов. Уговорились о встрече к полудню следующего дня, и Гоша, галантно приложившись к моей руке, исчез за порогом.

– Слизняк! – с чувством выдала тетя Соня, когда входная дверь за ним закрылась.

– Не могу не согласиться, – кивнула я, приступая к чаю с огромными бубликами с маком. – До того противный, что просто диву даешься, как он может лавировать в разных сферах... А он точно поможет?

– Всем в нашем доме помогал до сих пор. Кому место под гараж выбивал, не бесплатно, конечно. Кому дачу продал, кому с квартирой помог. Берет недорого. Оформляет быстро. Думаю, что все будет нормально. Завтра к полудню явится уже с результатом...

Но Гоша, к нашему вящему удивлению, не явился. Ни к полудню, ни к вечеру, ни к утру следующего дня.

– Все, ждать больше не имеет смысла, – решила я, в очередной раз собираясь пуститься в изнурительный круиз по конторам города. – Дома его нет. К телефону он не подходит. Мобильник не отвечает. Либо проблема оказалась ему не по зубам, либо у него появились более срочные и важные дела. Едем одни.

Тетя Соня, которая за утро трижды безрезультатно сгоняла на квартиру к Гоше, лишь печально вздохнула и начала собираться.

С трудом втиснув ноги в лодочки на высоченной шпильке, я одернула коротенький пиджак оливкового цвета, прошлась руками по укороченной юбке и с вполне объяснимой злостью произнесла:

– Ну, в путь! И пусть попробует сегодня кто-нибудь вставлять мне палки в колеса...

Странное дело, но желающих не нашлось! Более того, служащая Регистрационной палаты приветливо разулыбалась мне из-за конторки и елеинным голоском попросила пройти в кабинет начальника.

Там вообще начались настоящие чудеса. Целая куча документов, которые я к тому времени успела собрать и оставить у них, лежала оформленной на столе и ждала моей подписи.

– Вот здесь... И вот здесь... Ага, вот в этом месте еще... Так, теперь платите в кассу в соответствии со счетом и действуйте!

– Как действовать? – растерялась я, рассовывая бумаги по отделениям своей сумки.

– Вам остается только вписать в пустующие графы имена новых владельцев и взять с них деньги. И дело, как говорится, в шляпе.

На высокие ступеньки Регистрационной палаты мы с тетей Соней вышли ошарашенными и почти счастливыми. Говорю – почти, потому что все это было как-то слишком... нереально, что ли. Мне-то так, конечно, не казалось. Я была на седьмом небе, упиваясь успехом. Но вот тетя Соня...

– Не нравится мне это, Шурка, – буркнула она, усаживаясь в городском автобусе на переднее сиденье. Шуркой она меня звала в минуты крайнего недовольства – иногда мною, иногда обстоятельствами. – Что-то здесь не так... Гошка опять же куда-то пропал.

– Так, может, это у него такой принцип работы с клиентами – устраивать сделки, оставаясь в тени? – возмущенно выдала я, совершенно не желая портить себе настроение из-за глупых необоснованных опасений. – Все устраивает, излишне не мозоля глаза, а потом является за деньгами.

– Ага, жди! – фыркнула тетя Соня, обмахиваясь газетой. – Явится! Явится кто-нибудь, но не он! Как бы чего не вышло... Ох, чуёт мое сердце...

Ведь накаркала же! Явился! Только не Гошка, а милиционер. Правда, мы сначала не поняли, что это милиционер. Настолько тот был непринужденно раскован и очарователен, что заподозрить его в связях с органами внутренних дел просто не хватало воображения.

– Софья Валерьевна? – Молодой блондин, стоящий у порога, покачивался с носка на пятку и улыбался самой милой белозубой улыбкой на свете. – Добрый вечер.

– Добрый, – хотела было неприязненно сказать тетя Соня, да не смогла и расплылась в ответной улыбке. – Вы к нам по поводу?..

– Арсений, – тот протянул ей через порог дивной формы кисть правой руки. – Для друзей – просто Сеня.

Дальше – больше... Стоило только тете Соне подать ему руку для приветствия, как он без раздумий ее облобызал. Кто же устоит против таких манер?

– Ну, заходи, коли пришел, Сеня, – крякнула озадаченная тетя Соня и посторонилась. – А мы тут с племянницей моей подруги решили немного поспрадовать... Присоединяйся, если есть желание.

– Отчего же... – Дивной формы ладони звучно хлопнули, потерлись друг о друга и следом повторили приветственный маневр с моей рукой. – Сеня.

– Александра, – произнесла я с достоинством, но опять же ничего не заподозрив. – Присаживайтесь.

Он сел за стол. И начал угощаться пирогом с мясом и вином. Накладывал себе грибов, салату, сыра и с аппетитом все это поглощал. А мы с умилением взирали на обжирающего нас молодого нахала, словно потчевание всяких там незнакомых Арсениев было делом для нас привычным и совсем не удивительным.

Первой опомнилась я, вспомнив – не к месту, казалось бы, – что молодой человек так и не назвал цель своего незапланированного визита.

– Чем можем помочь? – принужденно улыбнулась я, чувствуя себя стержневой дрянью, вырывающей у парня последний кусок пирога изо рта.

Тот с сожалением положил его обратно на край тарелки, откашлялся и, мерцая голубизной своих глаз, вкрадчиво поинтересовался:

– Слышал, Софья Валерьевна, недвижимость у вас имеется продажная?

– Имелась! – ответила я за нее, сразу насторожившись из-за вкрадчивости его тона. – Только если вы хотели что-то приобрести в пределах города, то уже опоздали. Квартира продана, вот как раз обмываем сделку. В гараже уже чужая машина стоит. Дачу завтра едут смотреть. Остался, правда, дом. Домом интересуетесь? Добротный, старинный. Правда, расположен он несколько далековато...

– Нет, домом я не интересуюсь, – поскущел тут вдруг непонятно отчего Арсений. – Меня интересует скорее сам процесс.

– Процесс?! – пришла пора удивляться тете Соне, видимо, ее природная бдительность начала пробуждаться от легкого хмеля, вызванного тремя стопками рябиновой настойки.

– Да, процесс оформления документов. Слышал, что вам кто-то помогал в этом деле?

Мы воззрились на Арсения с немым изумлением, не в силах вымолвить ни единого слова. Конечно, тот факт, что Гоша многим помогал по-соседски, особенно не скрывался, но и не афишировался. И шли к нему либо соседи, либо по рекомендации все тех же соседей. Этого же молодого человека тетя Соня не знала, потому и потребовала строго:

– Можно взглянуть на ваши документы?

– Легко! – Арсений вновь осклабилась в улыбке, правда, без былого обаяния, вытащил из кармана легкой, навскидку – сотни за две долларов, рубашечки какие-то корочки и протянул их хозяйке со словами: – Прошу, Софья Валерьевна, всегда к вашим услугам.

Его услуги были тете Соне, очевидно, до фонаря, потому что по ее полному лицу разлилась смертельная бледность. Трясущейся рукой она протянула мне корочки и с непонятной мольбой пробормотала:

– Сашенька, взгляни!

Перевезенцев Арсений Владиславович, майор внутренней службы, значилось там. А с фотографии на меня смотрел все тот же блондинистый красавец, правда, на редкость серьезный.

– Что вас интересует, Арсений Владиславович? – как можно строже спросила я, хотя ладони вспотели, а по спине пробежал холодок.

– Я же сказал – процесс! Процесс оформления документации. Вы долго и безрезультатно пытались оформить сделки купли-продажи, а потом вдруг – бац, и все как по маслу!

– В этом есть криминал? – мои четко подведенные брови изумленно поползли вверх.

– Нет, но...

Сеня вдруг смешался. И я сразу поняла – отчего. Когда мои брови, предмет зависти коллег по работе, как, впрочем, и многое другое в моей внешности, живописно ползут вверх, то мужчины отчего-то тушуются. Кто при этом говорит, что глаза мои делаются донельзя хищными. Кто говорит, что черноты в моих очах прибавляется. А кто-то видит в этом сексуальный намек. Не знаю, что в этом узрел Арсений, но молчал он долгих пять минут. Молчал и внимательно меня рассматривал.

– А вы... вы и на самом деле очень красивы, – пробормотал он задумчиво, завершая паузу таким вот озадачивающим комплиментом.

– Почему на самом деле? – не растерялась я, продолжив натиск на прожорливого мента. – Где-то числюсь или значусь таковой?

– Да нет. Просто кое-кто... – Он хотел что-то сказать, но потом передумал.

Ох, как я потом жалела, что не заставила его закончить фразу! Насколько меньше было бы потом загадок! Но вместо этого я с нажимом потребовала от него конкретизировать цель визита. Он и ответил, заставив моментально «примерзнуть» к стульям.

– Что вы сказали?! – выдохнули мы одновременно, сцепившись руками под длинной скатертью.

– Ваш сосед найден с простреленной головой в своей квартире. И голова его покоится на бумагах, в которых с постоянной периодичностью повторяется ваше, Александра Васильевна, имя. Так, собственно, мы на вас и вышли. – Сеня улыбался теперь уже не так елейно, никаких намеков на признательность за потребленные продукты и в помине не было в его белозубом оскале. – Вот ведь загадка какая... Столько лет Гошка занимался дурацкой благотворительностью, делая это за чисто символическую плату. Столько людей было ему за это благодарно, никогда и ни у кого не было к нему никаких претензий. Ни у нас, ни у представителей криминальных структур. И тут вдруг такое...

– Что такое?! – закричала на него не своим голосом тетя Соня. – Ты куда это, Сеня, клонить изволишь?!

– А я никуда не клоню, – он беспечно дернул широченными плечами, заставив складки дорогой рубашки пойти легкими волнами. – Просто озадачен донельзя. Надо же было так подорваться бедному Гошке! Причем на ваших сделках подорваться!

– Подтасовка! – внешне оставаясь спокойной, парировала я, хотя коленки мои под скатертью буквально заходили ходуном. – Его простреленная голова могла лежать на чем угодно! На моих документах. На ваших. Еще бог знает на чьих! Его смерть вообще могла быть случайной! Или не каждому было известно о том, что свои дела он творит за мизерную плату, и убили его с целью наживы...

– Следов взлома нет. Ничего не взяли. Деньги на месте, – перебил меня Арсений. – И документы... Все ваши документы на месте... А вы ухитрились оформить сделку. Чудно!

– У него были ксерокопии моих документов. Подлинники оставались в Регистрационной палате. За ускорение процесса оформления мне пришлось выложить в их кассе кругленькую сумму. Так что если вам не терпится спихнуть безнадежное убийство на приезжего человека, это по меньшей мере непрофессионально. – Я решительно поднялась из-за стола, давая понять, что разговор можно считать законченным. – Надеюсь, больше у вас ко мне нет никаких претензий, кроме тех, что голова здешнего жильца решила упокоиться на бумагах с моим именем?

Арсений поднялся и очутился вдруг очень близко от того места, где стояла я. Оказалось, что мы с ним почти одного роста. Мужчина мог бы быть и чуть повыше. Хотя внешность вполне могла компенсировать его средний рост. С такими-то глазами... Они у него были более чем выразительными и смотрели сейчас на меня в упор с таким подтекстом, что понятие «многозначительность» явно блекло. Нет, в них был вполне конкретный намек. Точно, намек! Но вот на что?..

– Я не хотел вас обидеть, Александра Васильевна, а уж тем более оскорбить или обвинить в чем-то, – сладко пропел он мне почти в самое ухо, обдавая запахом дорогого одеколona.

– Так чего же вы хотели от меня? – Я хотела было отпрянуть, но передумала – а ну как спугну важность момента, и Арсений замолчит.

– От вас – ничего, скорее для вас... – почти на интимной волне прошелестел он и подошел еще ближе. – Будьте осторожнее.

– С какой стати? – я почти опешила, но вида не подала.

– Я боюсь за вас, Александра Васильевна. – Арсений отошел от меня и, вновь галантно склонившись к руке тети Сони, начал прощаться.

Когда он ушел, мы больше ни о чем не могли говорить, только о новости, которую он нам сообщил. Перебирали все мыслимые и немыслимые мотивы, но так ни к чему и не пришли.

– Хватит, Сашок, голову ломать, – широко зевнула в начале двенадцатого ночи тетя Соня. – Знаю я эту ментовскую братию, им бы только людей покоя лишать. У Гошки этого вечно темные личности паслись. Зинка Почепаева, что этажом ниже живет, не раз жаловалась на шум, крики. Покоя, говорит, вечно нет. И что Гошка меценатом был, тоже не верь. Водились, еще как водились за ним темные делишки! За то его и пришили. Завтра поедем, дачу покупателям покажем. А там, глядишь, и на дом желающие найдутся. Все с тобой обстряпаем в два счета, и поедешь с чистой душой к Славке своему, деньги транжирить. Чего хоть купить-то решили?..

Вот и все – и понеслось, и поехало! Куда там мне было вспоминать о предостережениях, нашептанных доброжелательным Арсением? Я о них забыла уже к утру следующего дня, и это было моей третьей ошибкой. Но кто же мог подсказать мне тогда, что я взялась совершать их одну за другой безостановочно! Тогда мне так не казалось. Первостатейным и наиглавнейшим делом было – все быстрее продать, получить деньги и вернуться домой. Отпуск не резиновый, а продлевать его мне Виктор не станет из вредности. Потому и пробегала всю следующую неделю в хлопотах и заботах, не оглядываясь себе за спину. А ведь стоило бы, ох как стоило...

Глава 3

Деревня Голошихино когда-то давно, до Великой Октябрьской революции, была имением графа Голошихина. Неказистая, конечно, фамилия для графа, но что поделаешь...

Имение было богатым, насчитывало десятка два дворов, включая хозяйский особняк. Оно было окружено смешанным лиственным лесом, рекой с живописными деревянными мостками и обсаженными ивой берегами. Заливные луга, плодоносные земли, зверье лесное... Казалось бы, все условия соблюдены для того, чтобы народ жил обеспеченно и счастливо. Он, собственно, так и жил и никого ни о чем не просил, что, в свою очередь, не могло порадовать «господ» большевиков, которые нагрянули в те места с продрозверстками, раскулачиванием и прочими революционными репрессиями. Результат не заставил себя долго ждать. Население деревни начало потихоньку исчезать с лица земли. Кто стигнул в ссылки. Кто умер с голода. Кого расстреляли. Часть домов была сожжена, часть была разрушена временем. Уцелел лишь графский особняк. Видимо, приглянулся кому-то из больших начальников, которые потом на протяжении многих десятилетий из рук в руки передавали его в качестве ведомственной дачи. Последним таким большим начальником оказался покойный муж моей тетки Таисии, которому удалось попасть в струю времени и приватизировать графский домик, а затем оставить в наследство оставшейся после его смерти супруге. Кстати, большая квартира в областном городе, гараж, дача – тоже его заслуга. Непутевая Таисия, которой некогда было заниматься мужем и рано осиротевшей племянницей, все больше моталась по заграницам и курортам. В одной из последних поездок, уже будучи вдовой, она и познакомилась со своим теперешним мужем...

Странное она все-таки создание. Сколько думаю о ней, столько раздражаюсь и восхищаюсь одновременно. Бабе за шестьдесят, впору о душе подумать, а она расстраивается, если пропустила визит к косметологу! Может быть, так и нужно жить: не оглядываясь и не горюя, кто знает? Но я бы точно так не смогла. К тому же у меня был Славка. Обречь его на одинокое детство и броситься в устройство личной жизни, как в омут с головой, я не могла. Он был для меня всем...

– Потому и едем сейчас с тобой одни в такую глушь, спаси господи! – огрызнулась тетя Соня, прерывая мою тираду, которой я разразилась еще в электричке. – Вырастила эгоиста, пожинай теперь плоды! Пехом топать часа три. Потом в доме ночь проводить. А там наверняка электричества нет. Насколько бы веселее было бы сейчас с ним-то...

Возмущаться я не стала. Во-первых, все молодые люди – без исключения – эгоисты. Во-вторых, тетя Соня была права. Место, куда мы сейчас держали путь и где нам назначили встречу мои последние покупатели, обросло таким количеством легенд, что отправляться туда на ночь глядя, не вооружившись до зубов, было делом неосмотрительным. Да, Славкино присутствие было бы как нельзя кстати. Но что задумано, то сделано. У него какие-то неотложные дела в институте. У меня финальная сделка, которая обещала быть очень прибыльной. Вот и приходилось нам идти сейчас густым лесом до деревни Голошихино, то и дело оглядываясь и прислушиваясь к звукам извне. А звуков, скажу я вам, было более чем достаточно. Что-то постоянно вспархивало, хлопало, ухало и пересмеивалось в густых зарослях леса.

Тетя Соня только успевала обмахивать себя крестным знаменем, не забывая при этом метать в мою сторону укоризненные взгляды. Но виноватой я себя совсем не чувствовала. Напросилась тетка сама, наотрез отказавшись отпустить меня одну, пусть теперь не жалуется.

– Кажется, вот за этим взгорком сейчас будет его видно, – ободряюще пробормотала я, подбрасывая на спине тяжелый рюкзак с провизией. – Я дом имею в виду...

– Поняла, не дура, – ворчливо буркнула тетя Соня, иногда она становилась совершенно невыносимой, но кто знает, что будет с нами в ее-то возрасте. – Хочу покушать да выспаться

как следует. Только если о первом мы с тобой позаботились, то второе осуществить вряд ли удастся.

– Почему? – вежливо поинтересовалась я, невольно замирая на самом верху холма и потрясенно глядя на раскинувшуюся внизу долину.

– Потому что тетка твоя непутевая наверняка все давно распродала. Удивляюсь, как это она недвижимость сохранила в целости и сохранности. Думаю, что из лениности либо от нехватки времени.

– Теть Сонь, посмотри, красотища какая! – прервала я ее брюзжание и приобняла за пухлые, но еще достаточно крепкие плечи.

Солнце к этому времени только-только начало заваливаться за кромку леса, золотя его четкий контур. Последние лучи как раз касались крыльца графского дома, играя в целехоньких стеклах террасы. Дорожки, кустарники, деревья вокруг усадьбы на удивление не казались запущенными. Словно какой-то неведомый садовник работал тут давно и основательно.

– Ты смотри! – тетя Соня потрясенно качнула головой. – Видно, Тайка и вправду не оставляла дом без внимания. И стекла все целы, и зарослей никаких. А вокруг запустение, словно и не жил тут никто и никогда...

Жил... Еще как жил, хотелось мне сказать. Но я промолчала. С той поры минуло много лет. Боли никакой не осталось, как, впрочем, не осталось вообще ничего. Детские раны затягиваются быстро. Много быстрее, чем взрослые. Память что-то сглаживает, что-то уничтожает, потому и не остается пугающего страха и постоянного ощущения тошнотворной пустоты в области сердца...

– Идем, тетя Соня, скоро стемнеет, – подавив тяжелый вздох, позвала я и быстро пошла еле заметной тропой вниз по спуску.

Дорога к дому заняла чуть больше предполагаемого времени. Разросшийся жасминовый кустарник. Сухие сучья, наломанные бурями. Высокая трава, в которой вязли ноги. Все это мешало идти и жутко нервировало. Тем приятнее было очутиться потом на графском когда-то подворье. Нам с моей спутницей оставалось только охать и удивляться. Ни тебе поломанного частокола, ни ржавых гвоздей, ни скрипа петель. Чудеса, да и только! Видно, и вправду кто-то присматривал за домом. И имя этого милого человека, в силу своей обычной рассеянности, тетка забыла упомянуть в письме.

Мы вошли в дом, открыв дверь ключом, который, сколько я себя помнила, находился на крыльце под третьей доской слева.

– Ну и слава богу. – Тетя Соня с облегчением перекрестилась, бросила к своим ногам пакет с нашими вещами и пробормотала: – Нужно найти свечи и растопить плиту. Я пока поесть сготовлю, а ты осмотришь. Наутро приедут покупатели, нельзя, чтобы они какой-нибудь огрех заметили... Странная все же эта дамочка. Имени не назвала. Телефона не оставила. Марку машины и ту пожелала оставить в тайне. Странная!

– Ладно тебе, тетя Соня, придирайтесь. Каждый человек имеет право на странности. Пусть уж лучше такие, чем какие-нибудь еще...

Тут мне не к месту вспомнился Арсений, но как-то так, вскользь, в контексте странноватого поведения, а совсем не в той связи, о чем он мне нашепывал.

Свечи нашлись быстро. Их никто и не прятал, и лежали они там же, где и двадцать лет назад: на самой нижней полке огромного пузатого буфета красного дерева. Странно все же, что никто не позарился на такую редкость. Плита разгорелась быстро, нисколько не капризничая и не чадя. Дрова, как бы долго они ни пролежали на улице, были березовыми и разгорелись молниеносно. Стоило огню весело затрещать под заслонками, как тетя Соня тут же развила бурную деятельность. Поставила греть воду для умывания перед сном. В мгновение ока начистила молодой картошки и принялась вытрясать из пакетов прямо на дубовый стол привезенную нами снедь.

Я попыталась было влезть со своей помощью, но была отстранена властной рукой пожилой женщины.

– Ступай! – приказным тоном потребовала она, нарезая копченую колбасу тонюсенькими, почти прозрачными ломтиками. – И осмотришься вокруг. А то я ужас как не люблю сюрпризов! Коли покупательница со странностями, то предусмотреть нужно все...

Я как могла оттягивала тот момент, когда мне придется бродить в одиночку по двору и саду, но делать нечего, пришлось идти.

– Накинь курточку, холодает, – тетя Соня, проницательности которой мог позавидовать сам Берия, тяжело и глубоко вздохнула. – Да не задерживайся, темнеет уже...

Я вытащила с самого дна рюкзака легкую ветровку и, накинув ее на плечи, вышла из людской. Так раньше называлось это огромное помещение, переделанное затем большевиками в кухню-столовую. Были еще две залы, три спальни, куча кладовок, больше напоминающих встроенные шкафы, библиотека и... конечно же, сад. Не вишневым, по которому млели герои Антона Чехова, а яблоневым и грушевым. С огромными кряжистыми деревьями, которые перестали плодоносить уже много лет назад. Цвели исправно, а плодов почти не давали. А те, что и рождались, есть было невозможно.

Сейчас среди изумрудной листвы мне не удалось рассмотреть и тех дичков, от которых раньше нам сводило челюсти и животы.

– Все вымирает... – тихо молвила я, шаг за шагом пробираясь к тому месту, где раньше была скамейка.

Мне не нужно было идти туда. Нужно было, наоборот, обежать это место за три версты. Но я упорно шла туда, сама не знаю почему. А когда дошла и увидела, что скамейки нет и в помине, то неожиданно для самой себя расплакалась.

Нет, ну не дура! Чего я, собственно, ждала? Что спустя двадцать лет она останется в целостности и сохранности? И что стоит мне присесть на нее, как все сразу встанет на свои места и то чувство, которое мне всегда мешало вернуться сюда, мгновенно исчезнет без следа? Иллюзия... Ей не суждено было стать реальностью. Я плакала, обхватив кряжистый ствол старой яблони, еле заметно поглаживая его холодными пальцами.

Нет! Ничто и никогда не возвращается! Глупо думать, что можно повернуть время вспять и испытать все заново, прикоснувшись к воспоминаниям. Нет, это всего лишь заблуждение, и ничего, кроме разочарования и пустоты, вам не грозит. Никакого шквала из новизны возрожденных чувств и дикого восторга! Не стоит искать ничего там, где все давно утеряно...

– Вытри слезы! – Тетя Соня выросла за моей спиной подобно призраку. – Ужин остывает.

И ушла, не оборачиваясь. Такой она была всегда: немногословной, внешне неласковой, порой даже грубоватой, но надежной, как скала. Кстати, много надежнее моей беспутной тетки, которая в жизни бы не додумалась пойти за мной следом с тем, чтобы проследить – ничего там не случилось с ее Шуркой и с чего это она там так долго бродит по саду...

Исчезла тетя Соня так же внезапно, как и появилась. Пока я искала платок по карманам куртки, который, я точно помнила, клала именно туда, пока вытирала слезы и звучно сморкалась, ее и след простыл. Я вернула платок на место и совсем уже было двинулась к дому, когда на меня накатило ЭТО...

Давно такого со мной не случалось. Настолько давно, что я почти отвыкла от этого ледящего кровь чувства.

Ноги будто приросли к земле, а спину продрало таким холодом, что, казалось, кости хрустят от инея. Сейчас главное было – не оглядываться, а продолжать медленно идти вперед. Если оглянешься, то все, пиши пропало. Ужас тут же схватит за горло и погонит тебя со скоростью ветра. Но это опять же самообман, потому что ноги откажутся слушаться, и ты непременно рухнешь на землю. И будешь орать и звать на помощь, а когда помощь придет, все покажется смешным и несущественным...

Поэтому я не оглянулась, а медленнее прежнего пошла вперед. В конце концов, я взрослая женщина, у которой уже достаточно взрослый сын, и верить во всякие там привидения просто не имею права. Вон в окошке виден яркий мерцающий свет. Наверняка тетя Соня из вредности решила извести напоследок весь теткин запас свечей. Силуэт самой тети Сони тоже хорошо виден. Что-то там еще подрезает и накладывает на щербатые тарелки с инвентаризационными номерами, которых здесь великое множество.

Все в порядке... Все в полном порядке... Я большая девочка... Я давно выросла... Ноги уже ступили на последнюю ступень заднего крыльца. Предусмотрительная тетя Соня оставила дверь открытой, умничка. Все хорошо, и нет нужды оглядываться на потемневший, как ночь, сад за спиной. В этом просто нет необходимости.

Но я все же оглянулась. Доли секунды оказалось достаточно для того, чтобы горло исторгло давно забытый дикий вопль, а сердце словно разорвалось от страха на сотню кровоточащих кусочков...

– Уймись! Уймись, Шурка! – Тетя Соня, не скупясь, хлестала меня по щекам и щедро поливала мою бедную голову водой. – Что опять на тебя накатило, дурища здоровенная! Прекрати!

– Тетя Сонечка! – икала я ей в передник в крупный синий горох. – Он там стоял!

– Опять заладила! Не было там никого, поняла? Не было и быть не могло! Уймись!

Очередная порция ледяной колодезной воды и пара пощечин все же сумели привести меня в чувство. Господи, чего это я и правда с ума схожу! Всяким детским страхам не место в моей взрослой – скорее даже зрелой – жизни. Прочь, прочь от меня!..

– Ладно, – я тряхнула промокшей напрочь шевелюрой и даже сделала попытку улыбнуться. – Давай ужинать...

– Вот и умница, – похвалила меня тетя Соня, все еще с тревогой вглядываясь в мое лицо. – Все хорошо?

– Просто отлично! Правда, отлично...

Мы сели с ней рядышком за дубовый стол огромных размеров и начали раскладывать по своим тарелкам угощение.

Молодая картошка в паутине укропа, сильно сдобренная постным маслом. Помидоры. Сервелат. Холодная говядина, нарезанная ровными овальными кусками. Жареное рыбное филе. Горячие сосиски с зеленым горошком.

В другое бы время, под запотевшую бутылочку хмельного, мы бы с ней мигом убрали добрую половину всего этого угощения. Но сейчас у меня аппетита не было. И хотя тетя Соня старательно делала вид, что проголодалась, ситуации это не меняло.

– Он там был! – брякнула вдруг я не к месту и виновато шмыгнула носом, ну совсем как мой Славка.

– Кто? – Ее брови угрожающе собрались домиком. – Кто там был?

– Не знаю! Но там точно стоял человек! И он смотрел мне вслед и не шевелился...

– И что? – Тетя Соня с сожалением посмотрела на крупный кусок вареной говядины, нанизанный на вилку, и отложила его обратно на тарелку. – Может, и стоял, и что с того?

– А?..

– Нечего рот открывать попусту! – буркнула она недовольно. – Может быть, это как раз тот самый смотритель, чьими трудами мы с тобой восторгались! Ты же сама говорила, что кто-то вымел дорожки, полил клумбы и вымыл стекла! Говорила?

– Говорила... – конфузливо кивнула я головой, поражаясь своему тупоумию.

– Чего же тогда орала? – Тетя Соня раздраженно громыхнула дубовой табуреткой. – Вот возьмет и вызовет милицию. А оно нам с тобой надо?

Милиции нам не надо было.

Документы на дом, доверенность и прочая бумажная дребедень были в полном порядке и находились в городской Регистрационной палате, поэтому бояться нам, конечно же, было нечего. Но слишком уж негативным было впечатление от общения с Арсением. И я вконец завиноватилась.

– Понаедут к утру, шум поднимут, – продолжала между тем тетя Соня усугублять мой комплекс. – И тут еще покупательница твоя явится! Представляешь, каково ей-то будет? Баба и так со сдвигами приличными, а тут еще представители власти. Мало это место обросло легендами?

– Что же теперь делать-то? – Я закусила кулак и едва не разревелась от досады на себя.

Но тут тетя Соня, в очередной раз удивив меня своей непредсказуемостью, широко и беспечно разулыбалась.

– Ладно, Сашок, стоит ли так уж волноваться? В конце концов, это уже ее печаль. Не нравится, пускай не покупает. А коли милиция к нам пожалует, то, может, нам это и на руку. А ну как дама та совсем уж чудаковатой окажется, неспроста же нас с собой не взяла? Пусть уж лучше с ней органы разбираются. Давай, детка, спать с тобой будем укладываться. Утро вечера мудренее. А милиционеры, они тоже люди.

Мы разошлись с ней по спальням. И я, забравшись в кровать, уже без тени опасения посматривала на черный квадрат окна. Тот факт, что я кого-то видела в саду, меня уже не пугал. Как раз наоборот... Если здесь в окрестностях обретаются люди, то нам должно быть не так одиноко и страшно этой ночью. Нужно просто крепко закрыть глаза и попытаться побыстрее уснуть. И не думать больше ни о чем печальном...

Уснуть не удалось. Через открытую дверь из спальни напротив моей слышалось отчетливое похрапывание тети Сони. Вот и слушай потом рассказы о бессоннице в пожилом возрасте! Стоило ей подушки коснуться, тут же и отключилась. А тут лежишь, и хоть вой от скуки, сна ни в одном глазу.

Я встала и подошла к окну. Лунный свет выхватывал часть клумбы, заасфальтированную дорожку, ведущую к крыльцу, и темные силуэты деревьев, что окаймляли путеводную аллею из имения. Протянув руку, я потянула на себя форточку и прислушалась. Тишина стояла невообразимая. Не было слышно ни стрекотания кузнечиков, которым сопровождалась моя прогулка по саду, ни дуновения ветерка, способного нарушить это безмолвие и заставить яростно перешептываться уснувшую листву. Полное отсутствие звуков, кроме разве что отчаянного стука моего сердца.

Почему я опять так волнуюсь? Отчего так стучит в голове? Ладони так некстати подрагивают... Не собираюсь же я, в самом деле, как в далеком детстве, влезать на подоконник, открывать окно и прыгать вниз? Нет, конечно! Не дура же я совсем!

Раньше под окном была клумба с бархатцами. В августе они должны были зацвести ярко-оранжевыми клубочками с огромным количеством лепестков. Должны были, но не зацвели, потому что клумба отчаянно вытаптывалась все предшествующее цветению время. Вытаптывалась мною...

Непонятно почему, я прыснула в кулак и даже оглянулась опасливо на распахнутую дверь. Вот ведь «пионерская зорька» заиграла в одном месте, в самом деле! Впору и вправду влезать на подоконник...

И я полезла! И долго теребила потом почти заржавевший за столько лет шпингалет, а потом с какой-то шкодливой улыбкой открывала створки окна и слушала, слушала темную, пахнущую теплой листвой ночь.

Вниз я так и не прыгнула. Ни к чему было делать это. К тому же никто не протягивал мне рук, чтобы поймать на лету и упасть потом вместе со мной в клумбу. Господи, как нам было весело тогда! Никогда прежде и никогда после я уже не смеялась так отчаянно: давась

этим безрассудным смехом и задыхаясь оттого, что нельзя было выпускать его на волю из-за плотно сомкнутых губ...

– Шурка! – рявкнула за моей спиной тетя Соня, заставившая меня взвизгнуть от неожиданности. – Ты чего это, бесстыдница такая, делаешь?!

– Сижу, – ответила я ей после того, как отдышалась. – А что, нельзя? Тепло, тихо, так здорово! Как тогда, помнишь?..

– Помню, – недовольно буркнула она и больно шлепнула меня по голому боку. – Только тогда ты обычно в пижаме из окна сигала, а сейчас в одних трусах да лифчике, прости господи, представление здесь устраиваешь! Ни стыда в тебе, Шурка, ни совести! Быстро в постель!

Я повиновалась. А тетя Соня, с грохотом захлопнув окно и вернув шпингалет на место, продолжила причитать:

– Господи, когда же я тебя замуж-то отдам?! Пятнадцать лет ты все одна... Славка без отца вырос, сирота сиротой. Да и ты, Шурка...

– А что я? – Сонливость вдруг так некстати накатила на меня, что глаза сами собой прикрылись, а язык еле-еле ворочался. – Я почти счастлива...

– Вот именно, что почти! – зазвучал как будто издалека ее голос. – Такая красавица, а все одна и одна. Но на окне голышом все равно сидеть не нужно. Сама же говорила, что кто-то ходит здесь по саду. Вдруг он видел тебя! Еще подумает что-нибудь не то о тебе...

Больше я уже ничего не слышала. Крепкий и глубокий сон, в который я провалилась, как в бездну, стал для меня сущим спасением. Разве в городе с миллионной численностью населения так выспишься? Ни за что! Вечное ощущение недосыпа и утомленности при пробуждении. Какие-то дурацкие сны, за расшифровкой которых порой промучаешься целый день. Накачиваешься кофе и думаешь, думаешь, думаешь... Здесь же – никаких снов и видений. Правда, что-то похожее на чью-то равномерную поступь меня неотвязно преследовало всю ночь. Но когда я проснулась и обнаружила под ухом левое запястье с тикающими часиками, то тут же и успокоилась. Вот она, разгадка...

– Тетя Соня! – нараспев позвала я и сладко вытянулась на кровати, по привычке упиравшись ступнями в резную деревянную спинку. – Ты где?

Та не отвечала, но какое-то движение в доме улавливалось.

Ну и ладно. Занята, значит занята. А я сейчас, пока еще нет покупателей, умоюсь и прогуляюсь, благо до завтрака времени хоть отбавляй. В этом доме всегда подавали завтрак в половине десятого, сейчас же еще не было и восьми.

Дабы видом своим никого не смущать, я натянула на себя длинную футболку и пошла в кухню. На плите посвистывал начинающий закипать чайник. Вчерашняя картошка млела на сковородке на самом краешке плиты. Свежевымытый лучок, петрушка, укроп, помидоры – все лежало аппетитной летней горкой на огромном блюде для рыбного заливного. Помнится, Таискин муж очень уважал заливного судака и требовал, чтобы его подавали именно на этом блюде. А мы вот теперь с него овощи кушать изволим, и ничего...

Ухватив с тарелки вчерашний ломтик колбасы, который слегка подсох, я пошла на террасу. Тети Сони нигде не было. Наследить, правда, она уже успела порядком. Целые комья влажного рыхлого чернозема трижды встретились мне на пути.

– Что за дела? – возмутилась я, нечаянно ступив в один из таких следов. – Как ко мне, так куча требований, а сама... И где она его только успела насобирать, дождей нет вторую неделю.

Ответ обнаружился уже через минуту. Та самая клумба, которая подвергалась вытаптыванию в годы моего отрочества, отсутствовала. Правильнее сказать, отсутствовала растительность на ней. Еще вчера там отцветали пионы, роняя на рыхлую землю кремовые лепестки, а сегодня все это самым невероятным образом исчезло. Никаких следов, ни единого лепестка. На какое-то короткое мгновение мне сделалось жутко.

Вот! Вот оно – чудовищное последствие моего вчерашнего потрясения! Пока я спала, кто-то пытался проникнуть в мою комнату. Вытоптал при этом всю клумбу и... Стоп! Не катит, как любит говаривать мой Славка. Если кто-то на самом деле хотел попасть в дом, то сделал бы это совершенно нормальным способом – через заднюю дверь, поскольку замок там давно выполнял функции чисто символические. К тому же чернозем на полу в прихожей ясно свидетельствовал о том, что человек, перепачкавшийся землей, все-таки в доме был и изрядно наследил там. И если это не тетя Соня, значит...

– Это наверняка садовник! – снова перепугав до полусмерти, протрубила мне в самое ухо тетя Соня. – Нечего бледнеть и хватать себя за грудь! Ни у одного придурка не хватило бы ума выкорчевывать пионы только для того, чтобы поугаить тебя. И чего ты опять гольшом-то?!

– Я в футболке, – попыталась я выразить протест. – Она почти до колен.

– Ага, к тому же до неприличия тонкая и почти прозрачная и как нельзя лучше обрисовывает тебя всю, а твоя покупательница давно здесь и только и жаждет встречи с тобой! – завелась тетя Соня, увлекая меня в дом и настойчиво подталкивая к моей спальне. – Немедленно оденься поприличнее и выходи к завтраку. Сейчас эта Шапокляк явится. Не хочу я, чтобы ты перед ней простоволосой предстала.

К завтраку я явилась во всеоружии. Наглухо застегнутая блузка без рукавов. Юбка до колен, без намека на разрезы, и закрытые босоножки на низком каблуке. На что тетя Соня мгновенно среагировала благосклонным кивком головы.

– Вот это я понимаю! Теперь ты сразу на человека стала похожа, а то ходит, будто русалка. Садись к столу, вон она на дорожке показалась, минуты через три войдет.

Мы чинно сели и уставились на дверной проем. Я долго думала, куда мне девать руки. Положить ли их на колени либо выложить на стол? Металась, металась, а в результате гостья вошла в тот самый момент, когда я высоко поднимала волосы над запотевшей шеей.

– Хмм-м, – многозначительно хмыкнула старая карга, мгновенно обежав меня всю колючим въедливым взглядом. – Эффектно...

С чего вот было мне краснеть, спрашивается? А ведь покраснела! Вскочила с табуретки, опрокинула ее, конечно же, и в результате вместо приветствия забормотала что-то о душном ионе и неуместном отсутствии дождей.

Дама (когда-то она наверняка была исключительно эффектной) слушала меня со снисходительным пониманием, при этом легонько постукивая себя по сухой лодыжке зонтиком-тросточкой. На Шапокляк она походила мало. Разве что худобой и ридикюлем, который прижимала к впалому боку. Короткая стильная стрижка. Темные брюки и в тон им кофточка с длинными рукавами. Крохотные ступни, что казалось удивительным при ее высоком росте, были обуты в обычные спортивные кеды, которые стоили в социалистическом прошлом по два рубля девяносто копеек за пару.

– Очень удобно, – пояснила гостья скрипучим, похожим на шелест гравия, голосом. – Добрый день, вообще-то...

– Да, да, конечно... Доброе утро. Мы с ней уставились друг на друга и какое-то время молчали. В вопросах – кто кого переглядит, мне в юности не было равных, но с годами, видимо, я сей дар подрастеряла, потому что смутилась на второй минуте и опустила голову.

– Я согласна, – проскрипела тетка куда-то мне в макушку. – Вашу цену я знаю. Деньги только что были перечислены на ваш счет.

– Каким образом? – встряла тетя Соня, до сего времени молчаливо восседающая за столом.

– По телефону, – все с тем же снисходительным высокомерием пояснила гостья. – Акт покупки считаю свершившимся и прошу вас...

Тут она замолчала, и мне пришлось снова смотреть на нее. Неудобно все-таки просьбы выслушивать с опущенной головой. И эта презревшая стерва высказалась...

– Прошу вас убраться отсюда сию же минуту!

– Как это?!

Вопрос мы с тетей Соней выпалили почти одновременно, оскорбленные в самых лучших наших чувствах. Хотели ее завтраком накормить, как человека, а она нас выставляет из собственного дома, причем в такой вот невежливой форме!

– Очень просто! – Дама повысила голос и, прошествовав к столу, опустила свой тощий зад на самый краешек дубовой табуретки. – Забирайте свою дешевую хавку и валите из моего дома!

Вот вам и дама! Вот вам и манеры! Еще минута – и мне показалось, что она разразится площадной бранью. Но «дама» молчала и сверлила меня взглядом.

– Красавица, – неприязненно буркнула она спустя какое-то время. – Что с того... Пошли вон!

– Слушай ты, крыса! – Тетя Соня все же не выдержала и по праву ровесницы решила дать ответный бой нахальной гостье. – Мы ведь можем вернуть тебе твои поганые деньги! И выкинуть тебя отсюда можем и...

– Ничего ты не сможешь, корова, – недолго думая, вернула дама оскорбление. – Все документы на дом подписаны. Деньги перечислены. Пошли вон отсюда...

Что бы мне удивиться, когда дама обмолвилась о подписанных документах! Что бы проявить бдительность! Нет, нигде и ничего меня не кольнуло. Подписаны так подписаны. Больше всего в тот момент я была занята собственной реакцией на хамство новой хозяйки дома, нежели чем-то еще. Поэтому в очередной раз пропустила все интуитивные уколы подсознания и с гордо поднятой головой пошла собираться. Знать бы мне, насколько все потом оказалось бы проще, прояви я хоть чуточку терпения и любопытства! Но у меня ведь пока все шло хорошо. Сделка совершалась за сделкой, за три недели мне удалось распродать всю теткину недвижимость. Не беда, что все это сопровождалось незначительными досадными недоразумениями, как-то: убийство соседа тети Сони, трудно поддающееся объяснению поведение милиционера Арсения и новой хозяйки загородного дома, странным образом разрешающиеся проблемы с оформлением бумаг в Регистрационной палате... Все это казалось мне тогда несущественным. Главным было то, что мой банковский счет изрядно пополнялся день ото дня. Удача затмила мой разум, и я пропустила все самое главное.

Глава 4

– Привет, Шурик! Чего это тебя давно не было видно? – Горобцова Настя, которая жила этажом ниже и время от времени пыталась со мной подружиться, закончила вытряхивать полосатый плед, сунула его под мышку и с приветливой улыбкой пошла мне навстречу. – Помочь, что ли?

– Ну, помоги, коли есть охота. – Три огромных пакета с гостинцами, которые мне насовала тетя Соня, уже изрядно оттянули мне руки, и помощь была как нельзя кстати. – И привет, конечно же... Как тут у вас дела?

– Дела как сажа бела! – фыркнула Настя, выхватывая у меня самый тяжелый пакет, в который заботливая тетя Соня ухитрилась втиснуть три литровые банки с клубничным вареньем. – С курорта, что ли?

– Да нет...

Вдаваться в подробности мне не хотелось. Настя была, в принципе, неплохим человеком, но, как бы это поточнее выразиться... короче, чужим успехам радоваться не умела. Поэтому я ограничилась коротким ответом:

– По делам ездила в соседний город.

– А-а, понятно... – с тенью легкой обиды протянула она. – В отпуске?

– Конечно. – Мы зашли с ней в подъезд и застыли с поднятыми головами у шахты лифта. Тот медленно двигался куда-то к верхним этажам.

– Как же тебя Витька твой отпустил так надолго? Он же без тебя и дня прожить не может...

Я недовольно поморщилась. Вот угораздило же меня, дуру бабу, пооткровенничать как-то несколько лет назад за бутылкой вина!

Пакостно было у меня на душе в тот день. Настя вызвалась составить компанию. Как водится, разговорились. Вернее, разговорилась я, а Настя все больше сочувственно поддакивала да ругала мужиков-козлов. Много позже я почти забыла и об этом вечере, и о своих слезоточивых рассказах. А вот Настя не забыла. И всякий раз старательно подчеркивала: вот, мол, Шурка, я твою тайну знаю и, значит, имею право на нечто большее, чем зваться просто соседкой. Это «большее» я ей устроить не могла, оттого она и сердилась порой на мое нежелание проводить с ней свое свободное время. Сейчас, наверное, был как раз тот самый случай, потому что Настя подозрительно обежала меня взглядом серых глаз с головы до ног, и, пока лифт медленно сползал на первый этаж, я выслушала кучу упреков в свой адрес.

И невнимательная я, и нелюдимая, и зазналась давно, и могла бы уж раз в месяц на чай ее позвать...

Разбираться в ее многочисленных обидах мне было недосуг. Да и не хотелось, если честно. Я сейчас жила ожиданием встречи с сыном, которого не видела целых три недели и который наверняка тут без меня от рук отбился. Думать о том, в каком состоянии находится квартира, я даже не пыталась. Бог с ней, с квартирой. И хотя воображение рисовало мне горы грязной посуды, кучу окурков, вываливающихся из пепельниц, и батареи из пивных бутылок, меня это несколько не страшило. Сейчас я зайду домой, увижу своего Славку, и все будет хорошо.

В этом состоянии сладостного предвкушения мне удалось проехать в лифте целых четыре этажа. На пятом Настя сумела все испортить. Причем так испортить, что мне пришлось долго приходить в себя. Нет, все-таки причина, по которой я настойчиво избегаю дружбы с ней, кроется, видимо, не в ее навязчивости. А в чем-то еще, в чем-то более серьезном и глубоком...

– Что ты сказала? – Вытаращив глаза от изумления, я уставилась на соседку, которая благополучно добралась до своего пятого этажа и стояла теперь перед дверью своей квартиры с самой многострадальной и понимающей улыбкой на свете.

– Чего ты, Шурик, так всполошилась-то, не пойму? – нет, удивилась она и на самом деле искренне, здесь не поспоришь.

– Ты только что что-то сказала такое... про Славку! Что это было? Или мне показалось? – забыв о том, что пакеты полны стеклянной тарой с вареньем, я швырнула их на пол кабины лифта и схватилась за сердце. – Настя! Что ты сказала только что про Славку? Какая свадьба? Что ты несешь?!

– Господи, ты как с луны свалилась, ей-богу! – Настя подбоченилась и смотрела на меня теперь как на больную. – Парню твоему девятнадцать?

– Ну... и что с того?

– Что ну? Девятнадцать, а не девять! В этом возрасте ему как раз самое время создавать семью. А то потом зашалавится, и не женишь. Вот переполошилась, глаза выкатила. Вроде я ей невеста что сказала!

– Как – жениться? Как жениться, если он всего-то на третьем курсе и... и он еще совсем ребенок!

Вот оно, начинается! Я только теперь поняла, отчего это вдруг капризная фортуна снизошла до благосклонности в адрес моей скромной персоны. Только теперь мне стал понятен истинный смысл всей той благодати, что свалилась на меня в одночасье – шутка ли, стать обладательницей такого состояния! У большинства людей на это годы жизни уходят, а я за три недели управилась.

За все надо платить! За все блага мира надо платить! Но я и представить себе не могла, чтобы вот так вот вдруг и сразу, и такой ценой.

Мой мальчик женится... Мой мальчик женится?! Нет! Этого просто нельзя допустить. Это неправда! Это не может быть правдой, потому что...

Определиться с этим «потому что» у меня не получилось. Паника паникой, но здравый смысл все же должен в этом деле присутствовать. В конце концов, он уже достаточно взрослый ребенок. В его возрасте уже и детей успевают нарожать, и развестись не раз. Хорошо еще, что до сего момента не успел меня бабушкой сделать! А с женитьбой мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь непременно придумаем. Познакомлюсь с его избранницей и... На этой оптимистичной волне меня малость перекосило. Представить себе моего Славку с кем-то рядом и на всю жизнь было пока затруднительно. Нет, у него, конечно же, случались романы, он в смысле ориентации был традиционно нормальным. Но все это было так несерьезно, так скоротечно, что он никогда не успевал меня знакомить со своими девицами. То это была Валя, то Наташа, то какая-нибудь Эльвира. А тут вдруг женитьба какая-то... Кто же она? Кто такая? Тут мне вторично пришлось одернуть себя. Так, чего доброго, додумаюсь до того, что завоплю: «Кто посмел посягнуть на святое?» Дело все-таки житейское. Рано или поздно это случилось бы, так что вначале разберемся и расставим все по своим местам. Девушка наверняка удивительно хороша собой, потешила я себя мыслью, раз мой сын остановил на ней свой выбор.

Я наскоро простилась с Настей и поехала к себе на шестой.

Славки дома не было. И у меня вообще сложилось такое впечатление, что за все время моего отсутствия он появлялся здесь лишь для того, чтобы поливать цветы на лоджии. Холодильник был пуст. Мусорное ведро девственно нетронуто. Все вещи в том же самом положении, что и на момент моего отъезда. Даже мои тапки у входной двери стоят так же, как я их всегда оставляю – перпендикулярно друг к другу. Пыль на мебели и на полу тоже как нельзя лучше свидетельствовала о том, что мой мальчик здесь бывал только короткими набегами.

Оттащив пакеты в кухню, я прошлась еще раз по комнатам и двинула напрямик в ванную. Его зубной щетки не было. Так, значит, он живет у нее! Первый минус в ее адрес. Я была

современным человеком, но прежде всего я была матерью взрослого сына, а это, как известно, обязывает...

Неожиданно для самой себя я расплакалась.

Ну что за дура, право слово! Парень, взрослый парень собрался жениться, а у меня трагедия. Нет, правильнее сказать, я оказалась неготовой к этому. Думалось, что наше с ним милое семейное счастье будет протекать вечно. Что он никогда не посмеет бросить меня после всего, что нам пришлось пережить вместе. А он... А он даже щетку зубную забрал из дома!..

Слезы полились пуще прежнего. Подобрал под себя пыльные ноги, я сидела на диване в гостиной, перебирала его детские фотографии и ревела белугой.

Ну почему сейчас? Почему именно сейчас? Сейчас, когда мы с ним стали обладателями такого приличного состояния! Когда нашим неосуществимым мечтам наконец-то суждено было сбыться, он оставляет меня одну!

А что, если?.. Очередная шальная мысль заставила меня похолодеть. А что, если эта девчонка какая-нибудь авантюристка, которой не терпится прописаться на нашей жилплощади и поживиться денежками, что свалились нам на голову как манна небесная? Славка, он же лопух, он может проговориться на второй минуте знакомства! И окрутить его сможет любая, у которой есть хитрость и внешние данные. В голове тут же замелькали образы обнаженных грудастых и длинноногих красоток с хриплыми сексуальными голосами. Устоять против таких хищниц просто невозможно. Сначала они годами крутят голыми задницами в каких-нибудь стриптиз-барах, а потом выбирают себе в жертвы таких вот пай-мальчиков, как мой Славка, и ловко охмуряют их. А потом, когда эти лохи окончательно созреют, заставляют их жениться на себе...

Поток моих нездоровых фантазий был прерван телефонным звонком.

– Слушаю, – просипела я в трубку, надеясь на то, что на том конце мое родное чадо.

– Ревешь? – с пониманием хмыкнула Настя.

Вот кого мне до полного счастья на хватало сейчас, так это ее! Мало ей было меня подобной новостью встретить, теперь еще в сочувствующие будет набиваться.

– Чего тебе, Настя? – не вполне любезно отозвалась я, искренне надеясь на то, что та обидится и бросит трубку.

Но Настя Горобцова была крепким орешком. Она соответственно ситуации вздохнула и печально констатировала:

– Ревешь, значит. Ладно, не реви, сейчас поднимусь к тебе.

Не дав мне опомниться, она дала отбой и уже три минуты спустя колошматила в мою дверь.

– С дуба рухнула? – вспомнилось мне Славкино любимое изречение.

– Держи, а то уроню! – Руки у Насти были под завязку заполнены тарелками, а под мышкой торчало горлышко бутылки.

Я приняла пару тарелок и понуро поплелась за соседкой в кухню. Та мгновенно развила бурную деятельность, расставляя тарелки на обеденном столе, доставая рюмки и высокие бокалы под минералку, нарезаая хлеб и выкладывая его в плетеную тарелку.

– Ты ведь запиваешь? – уточнила она, кивая на водку.

– Мне все равно, – я звучно хлопнула носом. – Мне теперь уже все равно...

– Ладно тебе, не раскисай, Шурик! – Настя зорко оглядела стол. – Надо было еще мясного рулетика прихватить.

– Не нужно ничего. Садись и расскажи мне все, – я ухватила ее за полу ситцевого халата и подтолкнула к табуретке. – Расскажи, откуда тебе обо всем стало известно? И почему я – мать – узнаю это от посторонних?! Почему сам Славка... Господи, что я такого сделала?..

Я снова заревела, а Настя, благополучно проглотив «посторонних», откупорила бутылку и наполнила рюмки.

– Давай, Шурик, выпьем лучше.

– Чем лучше-то?

– Чем сидеть и хныкать! Эка невидаль, малый женится! Не сейчас, так потом... Все равно! Или ты его в холостяках хотела бы видеть?

– Ну почему... нет, но...

– Вот тебе и «но»! Выпьем!

Мы выпили и принялись закусывать грибами, капустной солянкой с мясом и огромными котлетами, которые были размером с хорошую калашу. Угощать Настя любила и, к чести ее надо отметить, готовила вкусно. Поэтому к третьей стопке угощение на тарелках изрядно поредело.

– Вот ты мне скажи, пожалуйста, – обратилась ко мне Настя, когда слезы у меня просохли и я смогла даже улыбнуться какой-то ее шутке. – Какой ты бы хотела видеть свою будущую сноху?

– Ну-у... Я не знаю, – честно призналась я. – Никакой, наверное. Сама в снохах никогда не ходила. Супруг мой сгинувший был из сирот, так что сия чаша меня миновала. Представить себе такой род отношений мне сложно. Практически невозможно. Ты вот себе представляешь такое?

– Нет, конечно! – возмущенно фыркнула Настя. – Но ты не забывай, у меня детей нет!

– А у меня есть! И он у меня один! Я его вот этими вот руками поднимала, одна! Если бы не тетя Соня, я бы вообще... – Я снова всхлинула, вспомнив бесконечные ангины, простуды, ветрянки и поносы. – А теперь явилась какая-то самозванка!.. Причем так подло, так тайно! Нет, здесь что-то не так! Это наверняка какая-нибудь стерва с сиськами, которая...

– А тебе с косой до пояса нужна? – перебила меня Настя насмешливо. – И с взором потупленным?

– Мне никакая не нужна, черт возьми! – закричала я, наполняя рюмку до краев. – Мы, может, только жить начинаем, а она явилась на все готовое! Думает, что покрутила аппетитным задом перед носом у пацана – и все, дело в шляпе?

– Да нечем там крутить-то, прости господи! – выпалила в сердцах Настя и, заметив, что я уловила смысл ее слов, тут же прикусила язык.

– Та-ак, а ну, давай выкладывай! – я гневно воззрилась на соседку. – Что тебе известно по данному вопросу?

– А что мне может быть известно, – Настя дернула пухлыми плечами. – Моя двоюродная сестра работает уборщицей в загсе. Как-то на днях заглянула ко мне в гости. Мы посидели. Потом я собралась ее проводить. Ну и со Славкой твоим и его кошкой столкнулись у лифта на первом этаже. А Тонька – это сестра моя, говорит, что этот мальчик не так давно в их заведение наведывался. Заявление, значит, подали. Тут уж я в нее вцепилась и велела разузнать все поподробнее об этой девице. Ну, она и разузнала...

Внутри у меня все замерло на мгновение, а затем заныло. И с каждым словом Насти ныло все сильнее и сильнее.

Как же так? Как так могло случиться, что мой единственный ребенок так вляпался? За что это ему? За что это мне, в конце концов?

– Так мало того, что эта, пардон, швабра не имеет прописки и жилья в нашем городе, так она еще ошивается на Семеновской!

Мне оставалось лишь слабо охнуть в ответ и снова прикрыть заслезившиеся глаза.

Семеновская площадь на самом деле раньше так не называлась. Когда-то там был расположен центральный городской рынок, и площадь носила тривиальное название Торговой. Потом наступила пора становления демократии в нашей стране. С ней пришли кооперативы, а следом – и организованная преступность. И пошло, и поехало... Разборки, драки, убийства. Милиция заламывала руки в бессилии, городские власти пытались всеми мыслимыми и немис-

лимыми силами нормализовать обстановку, но тщетно. И тут в городе появляется некий гражданин Семенов. И словно по мановению волшебной палочки все стихает. Воинствующие группировки разом примирились. Бизнесмены начали исправно платить и в городскую казну, и в карман гражданину Семенову. Любой обиженный мог обратиться к нему за помощью и тут же бывал услышан. Он не возглавлял ни один из кланов, но каждый из них находился у него в подчинении. Прошли годы. Благосостояние господина Семенова достигло того определенного уровня, когда деньги перестают быть просто средством к существованию. Тогда он согнал с Торговой площади торгашей и начал открывать заведение за заведением. Ресторан, казино, магазины и так далее и тому подобное. И вот незаметно Торговую площадь переименовали в Семеновскую и даже вывесили соответствующие указатели на фронтонах зданий. Господин Семенов со временем упорхнул из города куда-то к манящим новым горизонтам, распродав все свое имущество своим же опричникам. Он уехал, а площадь так и осталась Семеновской, правда, репутация у тех мест стала несколько подпорченной. Новые хозяева зланных заведений частенько конфликтовали, обрастая охранниками, девками и прочим сбродом, который пасется в непосредственной близости от таких вот кормушек. Стоит ли говорить, как я «обрадовалась», узнав о том, что невеста моего сына обретается у казино и ресторанов на Семеновской площади...

– Выпьем! – скомандовала Настя. – Может, все еще наладится. Может, он передумает. Не совсем же он придурок, Славка твой. Ну, а если и не передумает, то что-нибудь непременно да произойдет. Такие девицы долго в женах не ходят.

Я содрогнулась не столько от водки, сколько от перспективы видеть своего Славку женой. Закусила половинкой котлеты и совсем уже было собралась снова пореветь, когда в замке заворочался ключ и следом заверещал дверной звонок.

Он не сумел открыть дверь. Я это сделала нарочно. Нарочно поставила замок на предохранитель так, чтобы с лестничной клетки его открыть было невозможно. Очень уж мне хотелось быть во всеоружии к моменту его возвращения. Не получилось...

Роняя мохнатые тапки, я ринулась в прихожую. Быстро осмотрела себя в зеркале и чертыхнулась. Глаза, нос и губы распухли, взор помутневший, то ли от водки, то ли от слез. Волосы после дороги пыльные и свисают по обе стороны щек неряшливыми прядями. Хороша, ничего не скажешь! Может, сыночек все же додумается прийти один для того, чтобы подготовить мамашу?

Не додумался...

Ненавистный заранее силуэт маячил за его широченными плечами и источал удушливый запах дорожных духов и недешевых сигарет. Стерва к тому же еще и курит! Так, какие еще сюрпризы мне приготовила судьба?..

– Привет, мать! – обрадованно вскинулся сын, метнулся было мне навстречу, но тут же встал как вкопанный.

Не поцеловал! Впервые за столько лет не поцеловал меня при встрече! Не трудно догадаться, почему он этого не сделал...

– Привет, Славик. – Мой голос предательски дрогнул, я дотянулась до его макушки, хозяйски ухватила и притянула к себе. – Привет, дорогой! Я так соскучилась! – Ну, чего ты, мать! – Славка ловко вывернулся в тот самый момент, когда мои губы едва коснулись его щеки. – Привет, тетя Настя! Отдыхаете?..

– Ага, – буркнула соседка, въедливо разглядывая гостью, на которую мои глаза пока еще не смотрели.

Но Настя была еще той изгой, ей было плевать на манеры. Она откровенно рассматривала девушку с головы до ног и при этом не скрывала неудовольствия.

– Кто это с тобой? – буркнула она, когда молчание на крохотном пятачке в прихожей затянулось.

– Ах, да! Вот голова садовая! – спохватился Славка и даже шлепнул себя по лбу. Как мне показалось, слишком уж больно шлепнул. Было бы из-за кого, господи!

– Мать, познакомься, это Вика! – произнес он излишне торжественно и вытащил девицу из-за своей широченной спины. – Прошу любить и жаловать, это моя жена!

Жена? Любить? Кто это придумал? Кто придумал, что я должна любить это чудовище? Костлява, губаста, глазаста! Господи ты боже мой! Сыночек, где были твои глаза, когда ты ее выбирал?

– Здравсте, – произнесла девица, почти не размыкая губ, и вытянула вперед узкую ладонь с унизанными перстнями пальцами. – Вика...

– Добрый вечер, – с достоинством произнесла я, пожалала-таки протянутую длань и представилась: – Александра Васильевна. Но любить меня необязательно...

– Мать! – угрожающе прошипел мне в самое ухо Славка. – Я тебя умоляю!

– Все в порядке, родной, – толстые губы невестки попытались изобразить улыбку.

Родной? Когда это он успел стать ей родным? Ей, этой чувырле с вытарашенными фиолетовыми глазищами! Цвет – и то ненормальный! Наверняка линзы... Не существует в природе таких неестественно фиолетовых глаз. Таких пухлых губ. Силикона накачала! Слышала я про это, слышала! Знаю, как создается эта детская сексуальная припухлость. У-уу, гадина, хищница несчастная!..

– Вас будет сложно полюбить, Александра Васильевна, – Вика обнажила в улыбке безупречно белые зубы. – Я это поняла, как только вошла сюда.

– А что еще ты поняла? – встряла из-за спины Настя. – Что можно хамить своей свекрови прямо с порога? Не успела в дом войти, как тут же и обругала. Вот она, современная молодежь! Сын ставит перед фактом родную мать. А его новоиспеченная женушка грубит!

– А вы кто, собственно?..

Вика чуть прикрыла веками глаза и так посмотрела на Настю, что мне тут же – прямо в прихожей – захотелось придушить ее. Какое она имеет право смотреть на нее так? Как на ничтожество! Как я не знаю на что!..

– Это моя подруга! – прорычала я прямо в физиономию своей невестке. – И попрошу тебя, дорогая, быть почтительнее!..

– Нет проблем, – презрительно фыркнула Вика и, обойдя нас с Настей, подхватила Славку под руку и потащила его на кухню. – Славка, я чую запах съестного, идем поживимся. Надеюсь, тетушки не все успели скушать.

Тетушки – это, стало быть, мы? Ладно, Настя, ей, при ее размерах, внешности и возрасте, несложно было бы так называться. Но я! Я-то совсем еще даже ничего! Не далее как несколько дней назад меня без устали нахваливали и величали красивой и все такое...

– Пошли! – Настя, которую я так необдуманно возвела в ранг своих подруг, поволокла меня следом за ними в кухню. – Нужно, чтобы все было под контролем. Идем. А то не успеешь оглянуться, она тебя с собственной жилплощади выселит...

В кухне уже дым стоял коромыслом. Славка, нахохлившись, сидел в красном углу, а его нареченная сновала между столом, плитой и раковиной и что-то беспрестанно щебетала.

– Присаживайтесь, дамы! – весело прочирикала она, указывая нам(!) на наши места. – Я мигом!

Она что-то вытрясала из огромных пакетов, которые они, оказывается, принесли с собой. Вот ведь, все я проглядела! Ничего не видела, кроме ее хищного лица и фигуры, которую я, даже напрягшись, не смогла бы назвать прекрасной. Высокая. С длинными ногами, которые рассмотреть как следует под джинсами не представлялось возможным. С такой крохотной задницей, что она наверняка в ладонях у Славки умещается. Талия, правда, узкая. Такая узкая, что он точно ее перехватывает пальцами. Грудь под коротеньким топиком все же угадывалась.

Хотя это мог быть бюстгальтер с целым килограммом поролона. Мне бы, конечно, хотелось думать, что это именно так.

Мы с Настей чинно расселись и, минуя взглядом собственное чадо, которое обошлось со мной так вероломно, я впилась глазами в физиономию невестки. Именно физиономию! Высокие смуглые скулы. Яркий рот, слишком огромный для нее. Славке, может быть, так не казалось, но, по мне, он мог бы быть и вполтину меньше. Тонкий нос с хищными дужками ноздрей. И эти ее глазищи... Ну до такой степени фиолетовые, ну до такой степени противные, что, когда она смотрит на тебя, чувствуешь себя абсолютно голой. Могла бы, к примеру, прикрыть их волосами. Так нет же! И тут все через одно место. Стрижка под мальчика с такой непристойно короткой челкой, что она едва угадывалась надо лбом.

И кто сказал, что я все ЭТО должна еще и любить? Что прямо с порога надо было бы кинуться ей на грудь и заголосить: «Доченька, родная»? Не-ет, деточки! Нет и еще раз нет. Не нужно мне ни глаз ее бесовских, ни рук сноровистых, ни челки ее детской, ни всей физиономии с ярким припухлым ртом. Еще, кстати, вопрос, с чего это у нее губы так припухли? Дрянь...

– Что?

Кажется, последнее слово я произнесла вслух, раз сын приподнялся с места и навис надо мной, норовя ударить.

– Милый, все в порядке, – узкая ладонь Вики легла на его плечо – и чудо, разумеется, случилось: мой сын передумал бить родную мать и уселся на место. – Александра Васильевна, может быть, я и кажусь вам дрянью, но у нас с вами есть кое-что, что роднит нас, несомненно...

– И что же это? – вступила Настя, до сего момента молчаливо жуящая собственные губы.

– Это наш Славка, – пухлый яркий рот расплылся в счастливой улыбке.

Это не наш Славка, а мой! Мой, поняла? Я его родила и вырастила! Я делила с ним все: и хорошее и плохое! И моим он останется до конца жизни! А вот останется ли он твоим навсегда, это еще вопрос!

Неожиданно такое течение моих воспаленных мыслей меня утешило, и я даже выдавила из себя примирительную ухмылку.

– Да, да, ты, наверное, права. Ну, давай, мой мальчик, командуй. Чем вы нас тут решили пототчевать?

Командовать МОЕМУ мальчику не пришлось, потому что узкая ладонь вторично легла на его плечо. Оно тут же поникло, скукожилось и стало даже как-то меньше в размерах. Вика сама накрыла на стол. Сама открыла шампанское, сама же его и разлила по высоким бокалам.

– Голова не заболит? – игриво поинтересовалась у нас с Настей язвительная девица. – После водки-то...

– Не бойсь, девонька. К тому же не твоя это печаль! – Настю не так просто было сбить с толку, она вовремя находила нужные слова.

Мы выпили, помолчали, потом приступили к длинному и нудному выяснению обстоятельств.

Выяснилось, что женой Вика пока моему сыну не приходится. Свадьбу они наметили на конец июня, то есть через неделю. Она приезжая. Снимает с отцом квартиру на Пушкинской улице. По моему мнению, худших трущоб в нашем городе не сыскать, но это опять же дело вкуса. Сама Вика нигде не училась и не работала.

– Отчего так? – Настя ехидно подняла тонко выщипанные брови. – Боишься надорваться?

– Нет, не боюсь. Я вообще мало чего боюсь в этой жизни! – Фиолетовые глазищи сатанински сверкнули. – Я не могу найти работу в вашем городе по своей специальности. И, предвидя ваше любопытство, отвечаю, что по профессии я моторист рыболовецких судов.

– Ба-а-тюшки! – Настя горестно всплеснула руками. – Ты морячка, я моряк! Так, что ли?!

– Приблизительно. – Вика таскала с тарелки вареную колбасу. Кусок за куском исчезали в ее ярком пухлогубом рте, при этом она ухитрялась нам елеинно улыбаться и дерзить. – А

поскольку в вашем захолустье нет ни одного приличного водоема, то я, соответственно, сижу без работы.

– А как же тебя, деточка, так угораздило-то? – продолжала наседасть Настя, поскольку от разворачивающегося на моих глазах действия у меня просто отнялся язык. – Мало того что профессию имеешь не пойми какую, так еще в такое захолустье попала!

– Обстоятельства... – Вика скосила взгляд в сторону моего сына, и я едва не задохнулась от боли и возмущения.

Значит, приехала она сюда из-за него? Но как? Где же их сподобило пересечься? Он летнюю практику и то в городе отработывает. Мы сотню лет никуда с ним не выезжали, и вообще он все время почти на моих глазах. Уж такую лютую стерву я бы ни за что не проглядела.

– На вокзале, – подсказала мне проникательная ведьма, понимающе хмыкнув. – Мы столкнулись со Славкой на вокзале в вашем городе год назад. Я была там проездом. Он кого-то провожал. Случайно наступил мне на ногу... Он извинился, купил мне мороженого. Мой поезд сильно опаздывал, и...

– Второе мороженое вы съели уже в постели, – закончила я за нее. – Так, Вика? Потом целый год вы переписывались. А когда мой сын написал тебе, что кривая его удачи резко вывернула кверху, вы сюда примчались вместе со своим папочкой? Он что, такой же авантюрист, как и ты? Кто он, твой папаша? Моторист, дворник, столяр, плотник, временно оказавшийся без жилья, работы и средств к существованию?!

И тут произошло такое!.. Короче, мне пришлось в полной мере узнать силу гнева моей будущей невестки. Минуты три она дожевывала очередной кусок колбасы. Потом аккуратно положила вилку на край тарелки. Причем правильно положила, как того требуют правила этикета. Значит, задатки хорошего воспитания все же имеются. Следом медленно подняла на меня фиолетовые глазницы и, невзирая на мягкие поглаживания Славкиной ладони по ее голому плечу, процедила:

– Если еще раз когда-нибудь вы позволите себе в подобном тоне говорить гадости о моем отце, я вас ударю!

Настя широко открыла рот и громко икнула, при этом неистово крестясь.

Я же, внутренне ликуя, с самым смиренным видом перевела взгляд на своего сына. Весь мой вид выражал сейчас только одно. Вот, мол, сыночек, полюбуйся, как твою родную мать твоя же нахальная девица оскорбляет. Давай поднимай свою задницу со стула и вступишь за меня немедленно! Вышвырни ее вон из дома. Ответь ей оскорблением за оскорбление! И забудем о ней навсегда!..

Господи! Как велико было мое заблуждение! На что я, собственно, надеялась? Совсем из ума выжила. Напрочь забыла притчу о дневной и ночной кукушке...

Славка и ухом не повел. Покраснеть, конечно же, покраснел до корней своих черных кудрей. Ну и еще, разумеется, с удвоенной силой принялся тискать ее плечо.

– Ударишь, значит... – промямлила я севшим от потрясения голосом. – И как ты после этого собираешься входить в нашу семью?

– В вашу я входить не собираюсь, – парировала дерзкая девица, сделав особый нажим на слове «вашу». – Я собираюсь создать свою!

– Это ты, Славка и твой необыкновенный папа, за которого ты меня собралась бить? – ох как не хотелось мне опускаться до всего этого. Видит бог, не хотелось, но... – Славика это устраивает?

– Вполне! – выкрикнула она, правда, не совсем уверенно.

– Слава, – мягко окликнула я сына, который низко уронил голову и боялся теперь смотреть на нас, – скажи что-нибудь нам, дорогой. Как все это могло произойти с тобой? Нет, я не то хотела сказать. Как так могло случиться, что эта девушка стала тебе интересна? Это же нонсенс!

– Мать! – почти простонал он. – Не надо ничего этого, я прошу! Прости, что ты узнала обо всем так вот... Прости!

Мы с Настей переглянулись и промолчали. У Вики тоже хватило ума промолчать.

– Пойми, что я не могу... – Сын закусил дрожащую губу. – Я не могу без нее, мать. Я люблю ее! Я сам вызвал ее...

– С папой? – не удержавшись, едко ввернула я, хотя сердце обливалось кровью при виде того, как мучительно больно сейчас моему сыну.

– Он никогда не оставит меня! – вибрирующим от гнева голосом встряла неучтивая девица.

– Вика, помолчи! – впервые повысил на нее голос Славка, и, о чудо, барышня мгновенно захлопнула рот. – Мать, прими это, пожалуйста. Прими эту мысль и смирись с ней, ради меня.

– Хорошо, – обреченно выдохнула я, потому что могла сейчас за него отдать всю себя по кусочку. – Женитесь, бог с вами. Ответь мне только на один вопрос: к чему такая спешка? Год переписки – это не повод для того, чтобы так спешить с женитьбой. У тебя, Вика, наверное, просто возникла необходимость покинуть прежнее место жительства? Или как?..

– Да никак! Почему вы постоянно меня оскорбляете? – снова взвилась будущая сноха. – Нам там прекрасно жилось...

– С папой? – уточнила я.

– Да! С папой! И я совершенно не собиралась ничего менять в своей жизни в ближайшие пять лет, но...

– Но?.. – Призрачная надежда затеплилась в моем сердце. – Что же заставило тебя так резко изменить свои планы?

– Ваш сын, Александра Васильевна! – словно самое скверное ругательство, выплюнула она мое имя. – Это он и его проблемы заставили меня бросить огромную квартиру, работу, учебу и мчаться сюда сломя голову. И вы даже не представляете себе, как вы далеки от всего этого...

– Вика, замолчи! – уже более грубо рыкнул на нее мой сын. – Все, нам пора. Мать, увидимся на свадьбе. Приглашение я принесу...

Они снялись со своих мест и ушли. Ушли, даже не простившись. Оба надутые, недовольные нами и друг другом. Все угощение: огромная неразрезанная дыня, грозди винограда, большущие помидоры и зелень – так и остались нетронутыми.

Мы с Настей прибрались на кухне. Засунули всю снедь в холодильник и долго еще сидели в гостиной, обсуждая недавний визит.

Потом соседка ушла к себе, а я, приняв наконец душ, улеглась на свою тахту. Думать ни о чем не хотелось. На душе было пусто и холодно. Единственное, чего мне хотелось сейчас больше всего, это уснуть поскорее. Уснуть и не вспоминать о тех словах, что кинула мне в лицо новоявленная «родственница».

Какие проблемы? О каких проблемах может идти речь? Из института прислали благодарственное письмо. Тренер звонит раз по пять на дню – там все в полном порядке. Из милиции и прочих учреждений никаких тревожных сигналов не поступало. Личности с сомнительной наружностью рядом с сыном не обретаются. Разве что... Да, точно! Она! Она, и только она – его самая большая проблема! А есть еще какой-то там папа, о котором вслух говорить не велено. Нет, все же что-то тут не так. Что-то подозрительное кроется за всей этой скоропалительной женитьбой...

Глава 5

– Она наверняка беременна! – фыркнула Настя, явившись следующим утром ко мне ни свет ни заря.

– Да ты что? – я ухватилась за то место, где еще вчера у меня находилось сердце, сегодня там ничего, кроме болезненной пустоты, не было. – Как – беременна? Славке еще учиться и учиться! Она без работы, папа – не поймешь кто! Как они жить собираются?

– А ты на что? – Настя оглядела меня с головы до ног и завистливо присвистнула. – Хотя какая из тебя бабка? Так, баловство одно. Тебя саму хоть замуж отдавай, ишь какая киска! Кстати, Виктор тут тебя разыскивал. Сильно озабочен был.

– Когда? – машинально поинтересовалась я, метнувшись к зеркалу, чтобы найти там подтверждение Настиным комплиентам.

Выяснилось, что мой шеф и по совместительству любовник навещался ко мне с неделю назад. Долго звонил в дверь и даже колотил ногой, на что ему Настя попеняла, не выдержав такого беспредела и поднявшись ко мне на этаж. Думаю, что ею скорее двигало любопытство, но не говорить же соседке об этом.

Так вот, Виктор был очень сердит. Оставил Насте свою визитку и просил передать мне, чтобы я созвонилась с ним, как только объявлюсь. Что ему конкретно нужно было от меня, он не сказал. Ушел, не простившись.

– Соскучился, – сострила Настя, хватая меня за прядь волос. – Еще бы, по такой красавице не скучать! Это тебе не спирохету свою законную трахать!

– Прекрати, – вяло отмахнулась я, попутно соображая, какую бы мне придумать причину, чтобы не звонить ему.

– Так позвонишь? Я обещала. И это... – Настя замялась. – Я уже успела позвонить с утра в его приемную и сообщить секретарше, что ты приехала. Извини, Шурик, он так просил...

– Ладно, – недовольно буркнула я. – Позвоню. Сейчас приведу себя в порядок и позвоню.

– Так я пойду? – все еще мялась на пороге Настя.

– Ага, ступай. Еще увидимся...

Я двинулась к ванной, надеясь на то, что соседка сама закроет за собой дверь. Но та все не уходила. Стояла у распахнутой двери. Кусала губы и не уходила.

– Что еще? – я нетерпеливо уставилась на нее.

– Тут такое дело, Шурик... Не хотела тебе говорить... Скажешь, что наговариваю и все такое... – Настя выглядела почти несчастной, что совершенно не вязалось с моим представлением о ней как о человеке твердом и волевом.

– Говори! – потребовала я, возвращаясь к ней.

Настя снова прикрыла входную дверь и зашептала:

– Тут, когда тебя не было, странные вещи происходили. Короче, сплю. Среди ночи – шаги над головой. Сама знаешь, какая тут у нас слышимость. Думаю, твой Славка. А утром он мне встретился у подъезда. Шел откуда-то с пакетиком. Спрашиваю, чего так рано поднялся, уже и в магазин успел сбежать. Говорит, я не поднялся, тетя Настя, а только что вернулся. Иду, говорит, домой и в магазине никак не был. Что в пакете, он мне, правда, не показал. Но что дома не ночевал, поклялся. Вот такие, Шурик, дела!

– Та-ак... – Мне сделалось нехорошо до такой степени, что я бухнулась на банкетку в прихожей и, задрвав ноги, оперлась ступнями о противоположную стену. – И что это были за гости, как думаешь? И что они, интересно, искали?

– Так ладно бы единожды! – засипела Настя с чувством, едва не срывая голос. – А то ведь почти каждую ночь! За исключением той, когда Славка со своей паскудой здесь ночевал!

– Ночевал все-таки? – плаксиво переспросила я, представив девицу в моем банном халате и с тюрбаном из моего полотенца на ее тифозной стрижке.

– Да, милая, ночевал. Кровать до утра скрипела, прости господи. Но дело не в этом! Ты же не дурочка, понимать должна, что раз женятся, значит, спят уже давно. Проблема в другом... Кто шарил у тебя тут каждую ночь кряду в твоё отсутствие? Я уж, грешным делом, того... – Настя выразительно покрутила пальцем у своего виска. – Думала, что начинаю потихоньку от одиночества с катушек спрыгивать. Не спится ночами, вот и мерещится всякий вздор. Но однажды покараулила потщательнее и поняла, что нет, не спятила я. И дверью хлопали, и лифт следом вниз покотил. Кто это, Шурик?

– Не знаю! – искренне ответила я ей, потому что и на самом деле не знала.

У Витьки ключей от моей квартиры не было. Я была против, а он никогда и не настаивал. Да и к чему, если Славка постоянно жил дома и никуда почти не отлучался. Его отлучки за минувший год можно было по пальцам пересчитать. Витька исключался. Да и стал бы он тогда колотить ногами в дверь, если бы у него были ключи. Тогда кто? Тетя Соня, у которой ключ имелся, все это время была на моих глазах. Славка с ключами отсутствовал. Кто же тогда?

– Кажется... – меня вдруг начало озарять. – Кажется, Настюха, я знаю, кто это!

– Кто? – соседка переминалась с ноги на ногу с тревогой во взоре.

– Это она! Эта стерва... Уж не знаю, каким таким зельем она опоила моего мальчика, но это точно она! Брала его ключи и шарила в квартире, пока он спал, к примеру. Может, она его снотворным опаивала, чтобы он не просыпался подолгу. Ох, Настя, нужно что-то срочно делать! Она же не просто так... Она наверняка узнала...

– Что? Что узнала? Что за тайны, Шурик? – возмутилась Настя. – Я же твоя подруга!

Вот дернул меня черт не к месту вчера кое-что ляпнуть, будет теперь жилы из меня тянуть обязателькой...

– Я тебе потом все расскажу, хорошо? – пообещала я, слабо надеясь на то, что Настя со временем забудет о моем обещании. – Мне сейчас просто некогда. Нужно привести себя в порядок и отзвонить Виктору. А потом попытаться разыскать Славку и припереть его к стене на предмет наличия у него ключей. Кто знает, кому он их одалживал! Может, тут папочка ее ночевал, пока молодые на Пушкарской улице плотским утехам предавались. Нельзя так сразу впадать в панику и начинать придумывать невесть что!

– А как же Витька? На нем же лица не было! – Настя все же обиделась и насупленно теперь смотрела куда-то мимо меня.

– Тут вообще все понятно: сроки по отчетам горят. Он и прилетел сюда ласточкой, – тут я немного кривила душой против правды: Виктор никогда ко мне не приходил. Ни поздней ночью, ни тем более белым днем. – Выясним, Настя. Непременно выясним, только ты дай мне немного времени.

Соседка, так неосмотрительно возведенная мною вчера в ранг подруг, ушла. Я влезла под душ и минут десять с наслаждением плескалась, чередуя то горячую, то леденяще холодную воду. Посвежела, порозовела. Вымыла волосы и с удовольствием укладывала их потом добрых полчаса. Со вкусом подкрасилась. Долго копалась в поисках нужного туалета. Из шкафа в разные стороны летели сарафаны, юбки, блузки. Ничто меня сегодня отчего-то не устраивало. Нельзя, чтобы соскучившийся шеф-любовник нашел меня после долгой разлуки излишне затрапезной, мотивировала я свой внезапный порыв. Но в глубине души, конечно же, я прекрасно понимала подоплеку этого неистовства. Ревность... Она самая, голубушка, растревожила мою мятущуюся душу. Ревность к той стройной и молодой, из-за глаз которой меня уже и не разглядеть. Ну и ладно! Ну и пусть! Пусть живут как знают. А я вот прямо с сегодняшнего дня займусь обустройством своей личной жизни. А то все для сына да ради сына... Пора и о себе подумать.

Втиснув себя в узкие джинсы небесно-голубого цвета, теткин подарок к прошлому дню рождения, я не без удовольствия отметила, что еще выгляжу не на одну сотню баксов. Заднее место в полном аккurate. Живот плоский. Талия все еще на месте. Сейчас еще грудь обтянем чем-нибудь таким вызывающе открытым, и можно будет являться пред светлые очи любимого руководителя. Такая вещица нашлась. Темно-синяя кофточка под горло с глубоким вырезом, капелькой спускающимся едва не до пупка, кстати, тоже теткин подарок. Как это в ее стиле! В ее, но не в моем... до вчерашнего дня. Теперь все! Коли бунтовать, то бунтовать по полной программе.

Я долго стояла перед зеркалом. Осуждающе качала самой себе головой. Пыталась хоть немного скрыть вырез на груди, закалывала его то брошкой, то булавкой. Но если грудь имеется, то булавки тут не помогут, и я это бесполезное занятие оставила. Будь что будет! Виктору наверняка понравится. Может, ему это настолько понравится, что он с вещичками прямо сегодня ко мне и переберется? И не этот ли мотив двигал им в мое отсутствие...

Короче, своим видом я осталась вполне довольна и на такой вот оптимистической волне покинула собственную квартиру. Я умышленно не стала звонить шефу, заранее зная, что он начнет корить меня за молчание и долго нудить о пустых никчемных днях, проведенных в вынужденном одиночестве.

Пусть мой визит будет ему сюрпризом, решила я, направляясь к стоянке такси. Но не успела я сделать и с десятков шагов, когда нос к носу столкнулась с собственным сыном.

– Мать? – Славка вытаращил на меня глаза и минуты три ошарашенно молчал. – Ты?!

– Здравствуй, сын, – укорила я его. – В вашей семье не принято теперь здороваться?

– Привет, – он понимающе ухмыльнулся и, мазнув меня губами по щеке, восхищенно пробормотал: – Классно выглядишь!

– Спасибо, – только и могла вымолвить я, воздав хвалу небесам и собственному терпению, заставившему меня проторчать столько времени перед зеркалом. – Ты домой, Славик?

– И да, и нет, – сын подхватил меня под руку и, став таким, каким он был всегда, – нетерпеливым и порывистым, потащил меня куда-то. – Я домой, но... не домой. Я за тобой.

– Во как! – пробормотала я потрясенно, семеня за ним следом на высоких каблуках. – И зачем я понадобилась тебе сегодня? Кстати, ты никому не одалживал своих ключей? Ну, там, Вике своей, к примеру, или папе ее?

– Мать, только не начинай снова! – попросил Славка умоляюще и снова поцеловал меня в щеку. – Ты же знаешь, что ты у меня одна. И Вика у меня одна. Вы уж как-нибудь поделите меня между собой без лишней крови, а? Время пройдет, все утрясется. Знаю, что будет нелегко, вы обе с характерами. Да еще с какими характерами! Так что...

– Ладно, постараюсь, – пообещала я, не желая портить милых минут нашего мимолетного воссоединения. – А куда ты меня сейчас тащишь?

– Свататься! – бухнул Славка, чем моментально все испортил.

– Как – свататься? Куда – свататься?!

Оказывается, загадочному папаше, которого я подозревала в вероломном проникновении на мою жилплощадь, понадобилось соблюдение всех приличий. И коли уж свадьбу они решили организовать самостоятельно, без моего вмешательства, то без сватовства (опять же они решили!) ну просто никак не обойтись. И сейчас они ожидали меня в одном из ресторанов на Семеновской, опять же заранее оплатив все счета.

– Я не пойду! – я уперлась каблуками в землю и замотала головой. – Пощади меня, Славик! Вчера Вика, сегодня ее папаша! Я просто не выдержу! К тому же у моего шефа есть ко мне неотложное дело. И я сейчас иду туда...

– У какого шефа? – Славик неожиданно остановился и озадаченно заморгал: – У Виктора, который Михайлович?

– У него самого.

– А ты что, ничего не знаешь?

– А что я должна знать? – мне не понравился его донельзя озадаченный вид, не понравилось выражение его темных глаз, и уж совсем не понравилось то, что он сказал следом за этим.

– Он в больнице. С ним рядом жена. Так что идти тебе туда совершенно нет необходимости.

– Что с ним? Грибами отравился? – ляпнула я первое, что могло прийти мне в голову.

Виктор и на самом деле был большим любителем грибов. Причем любых, вплоть до свинушек, признанных не так давно условно съедобными.

– Может, и грибами отравился, раз начал под машины бросаться, – недобро ухмыльнулся Славик.

– Как это?!

– А так! Целая куча свидетелей указывает на то, что он сам бросился под джип, который его почти переехал пополам. В коме он, мать. И ему нет абсолютно никакого дела до тебя, поверь! – рассказывал мне сын и незаметно тащил меня в сторону Семеновской площади, которая находилась всего лишь в паре кварталов от нашего дома. – Зато у меня к тебе дело первостатейной важности!

– Сватовство гусара! – фыркнула я, едва не бегом семеня за сыном.

– Именно! И что, собственно, за дела? Еще вчера ты готова была отстаивать свои права на меня, а сегодня отказываешься представлять мои интересы? Идем немедленно!

Возмущение сына было вполне оправданным. Что это я, правда, выделяюсь? Вчера фыркала, сегодня отворачиваюсь, когда мне протягивают пальмовую ветвь. И пусть с тяжелым сердцем, но я позволила увлечь себя в эту авантюру. К тому же мне так не хотелось сейчас думать о том, что случилось с Виктором! Так хотелось отвлечься от мыслей о том, что он делал под моей дверью и почему выглядел чрезвычайно озабоченным. Что натолкнуло его на мысль сводить счеты с жизнью такими вот путями?..

Страшных вопросов было слишком много, чтобы пытаться сейчас искать возможные пути их решения. Мне нужно было срочно встряхнуться. Как говорится, выбить клин клином. И поэтому я шла за сыном, искренне надеясь на то, что мои будущие родственники мне этот «клин» устроят без проблем.

Я не ошиблась...

Глава 6

Ресторан «Любава», где нас поджидали Вика с ее папашей, был первоклассным заведением с хорошей кухней, вышколенным обслуживающим персоналом и... знакомым мне по производственным банкетам метрдотелем. Поэтому глупо было бы предполагать, что он делает вид, будто не знает меня вовсе.

– Сашенька, голубушка! – метрдотель широко раскинул руки и, желая прижать меня к своей груди, пошел навстречу. – Шикарно выглядишь, дорогая! Что-то давненько не бывала у нас? То частенько, частенько навевдалась, а то уже месяца три как не заходила...

Откуда-то сбоку раздалось отчетливое возмущенное шипение. Надо полагать, сей глас был испущен моими будущими родственниками. С чем я не могла не согласиться. Предстать пред их светлые очи в роли ресторанный завсегдатай мне и в какое-нибудь другое время вряд ли бы захотелось, а тем более сейчас. Не в эту минуту, когда в душе все вибрировало на тонкой волне страха, когда я боялась со стороны метрдотеля провокационных вопросов про Виктора, а также боялась собственных ответов. Но мне тем не менее нужно было что-то в этом духе – мне нужен был кураж! Поэтому я так же широко распахнула руки и тесно прижалась к накрахмаленной манишке метрдотеля, заставив его озадаченно крякнуть и пробормотать трудно различимое: «Всегда к твоим услугам, дорогая»...

– Мать! – угрожающе простонал Славка и потянул меня за ремень джинсов. – Идем, нас ждут.

Я с трудом оторвалась от широкой мужской груди, на которой бы покоилась и покоилась, так на ней было благостно и надежно, и обвела взглядом зал.

«Родня» сидела, притихнув, чуть сбоку от центрального входа. Больше в зале никого не было, учитывая ранний час. Значит, мне не пригрезилось, и это они кряхтели минуту назад. Ну что же, подойдем поближе и познакомимся...

– Добрый день, – едва ли не раскланялся мой Славка перед этими... и начал нас представлять друг другу. – Познакомьтесь, это моя мама – Александра Васильевна. Это Вика, мы с ней все уже знакомы. А это Иван Семенович, Викин, стало быть, папа. Присаживайся, мам.

Я буркнула неотчетливое: «Здрасс-ссте» и опустилась на отодвинутый Славкой стул. Поставила локти на стол, уложила на них свой безупречный подбородок и самым бессовестным образом принялась рассматривать Ивана Семеновича.

Ваня, значит... Хорошее имя, главное, редкое. Хотя, на мой взгляд, ему больше бы подошло имя Змий. Не зеленый, нет, конечно, хотя оттенок его физиономии сейчас был примерно цвета молодой липы. Надо полагать, из-за моего безнравственного поведения. И одежды... Тут папа превзошел самого себя, выражая мимикой всю степень своего презрения и к моей обтянутой попе, и к выглядывающим из выреза кофточки грудям. Ну, извините, господа, извините! Собиралась к любовнику-шефу, а попасть вот пришлось на сватовство. Ничего, перекушаете. Не вы нас «берете», а мы вас! Так что в чем явится к столу мать жениха, значения не имеет. Молите бога, чтобы мы не передумали...

Папа между тем вытер огромным, как скатерть на столе, платком обширную лысину. Я уж совсем было порадовалась тому, что он сейчас начнет звучно сморкаться, но нет. Аккуратно свернул платок-скатерть и сунул его в карман штанов, как мне показалось, армейских. Выложил на стол огромных размеров кисти рук с безупречными (!) ногтями и забарабанил пальцами что-то угрожающе воинственное.

А я продолжала его рассматривать.

Лысина на полголовы. Остатки волос неопределенного тусклого цвета. Нос его дочка скопировала в точности: хищный и тонкий. Губы... Губами, пожалуй, им можно было бы смело обменяться. Слишком уж они велики были у Виктории. Вот у папы – в самый раз для женского

рта. Но ведь не для мужского же!.. И глаза, твою мать! Глаза такого же мерзкого фиолетового оттенка с проникающим в самое нутро взглядом.

– Сколько вам лет? – грубо рыкнул папа, потом подумал и добавил: – Александра Васильевна?

Ох, как мне хотелось послать его куда подальше! Но я взглянула на совершенно несчастного Славку и смиренно назвала этому хаму свой возраст.

– Понятно... – протянул он, продолжая барабанить пальцами по столешнице. – Кстати, думал, что меньше. Гораздо меньше...

– Если это комплимент, то весьма неудачный, – ележно ответила я.

– Почему?

– Потому что при таком раскладе мне пришлось бы родить моего мальчика в двенадцать лет.

Славка слева от меня едва слышно чертыхнулся. Папа и бровью не повел. Вика отмалчивалась.

– Чего это вы так вырядились? – снова полез нахрапом Иван Семенович все с тем же бесстрастным выражением на лице и омерзительной мутой в чернильных глазищах.

– А что вас не устраивает? – я приободрилась, предвидя развлечение. – Или, может, вас что-то возбуждает?

– Мне никогда не нравились бабы, подобные вам. Особенно такие, за которых приходится краснеть их сыновьям, – совершенно спокойно произнес будущий тесть моего сына – так, кажется, называется подобная дрянь – и попросил официанта подавать к столу.

Вся кровь, которая бурлила до сего момента в моих жилах, остановилась и замерзла прямо в тот же самый момент. Локти мои сползли со стола, и я едва не ударилась подбородком о стол.

Боже, меня никогда и никто так не унижал! Так стыдно, так больно! Всего лишь одной фразой, но так уложить на лопатки...

– А вы, я гляжу, профессионал! – прошипела я змеей. – К тому же хам и быдло! И если вы думаете, что я стану кушать с вами за одним столом...

Тут мне на голый локоть легло что-то теплое, мгновенно заставившее меня замолчать. Я скосила глаза и с удивлением обнаружила на своей руке уже знакомую узкую ладошку с длинными пальцами, униженными перстнями.

– Не обижайтесь на него, Александра Васильевна, – тихо попросила Вика и даже погладила меня, как кошку. – Папа просто-напросто военный. Сейчас на пенсии... Он всю свою жизнь привык говорить то, что думает...

– Потому и демобилизовался в звании младшего лейтенанта? – предположила я, незаметно убирая руку из-под теплой ладошки.

– Полковника... – ответила за него Вика, скрещивая руки под грудью.

– Ну, настоящий полковник! – ошарашенно выдала я, и неожиданно все заулыбались.

Даже мерзкий папа тоже улыбнулся, сверкнув золотой коронкой левого клыка.

– Ладно. Будем считать, что знакомство состоялось, – удовлетворенно бормотнул он и шлепнул здоровущими ладонями о стол. – Давайте приступим к приему пищи и заодно обсудим некоторые детали готовящегося праздника.

Обсуждать никому и ничего не пришлось, потому что все давно уже было решено и написано. От нас со Славкой, по моему мнению, требовалось лишь присутствие. И на том спасибо. Хорошо, что хоть нас не забыли пригласить! Что я и не преминула заметить, склонившись над тарелкой с куском слоеного торта.

– Что вы сказали? – Вика удивленно затрепетала длинными черными ресницами, ну просто нимфа, ни дать ни взять.

– Говорю, может, вам как-то можно обойтись и без нас? Все так слаженно продумано, что мы со Славкой как-то выбиваемся из общей картины, и...

– Александра! – рыкнул вдруг папа и с силой опустил ладонь-лопату на стол. – Не язви! Тебя сочли своим долгом освободить от лишних хлопот и забот, а ты опять чем-то недовольна.

Вот так сразу – на «ты» и с указанием «моего» места... Н-да, куражу у меня не получилось, как не получилось и забыться за этим их фарсовым обедом, где кусок становился поперек горла. В голове болезненно пульсировало – еще и эта новость о Викторе в коме. А тут эти люди, набивающиеся в родственники!

Ничто мне не нравилось в них. Ничто не устраивало в их манерах вести дела и строить беседу. И плюс ко всему, в глубине души зрело какое-то необъяснимое беспокойство. Будто я промчалась на большой скорости мимо чего-то важного и что-то не успела уловить затуманенным озабоченностью взглядом. Это, признаться, меня сильно нервировало и не могло настроить на благодушный лад.

– Мать! Ну что тебя беспокоит, не пойму? – вскричал Славка, который вызвался проводить меня до дому и носился теперь по комнатам в одних трусах со свадебными ботинками в левой руке. – Тебя избавили от лишних хлопот, как-то: беготня по магазинам и прочие хлопоты. А ты опять недовольна!

– А может, мне не нужно было этого избавления! Может, я хотела бы похлопотать! – парировала я на высокой слезной ноте. – И вообще... Мне ничего не нравится, если тебя, конечно, это еще интересует. Все это отдает таким душком, что просто диву даешься, когда ты успел так поглупеть...

– Ладно, хорошо. – Славка в сердцах швырнул ботинки в сторону, скомкал белую рубашку, которую только-только хотел примерить. – Вот скажи, что тебе не нравится в Вике? Только, прошу, опусти тот момент, что ты ее никогда не видела прежде. Итак, что?

– Она наглая и невоспитанная! Некрасивая к тому же, – начала я загибать пальцы.

– Ну-у, мать! Это ты загнула! Таких девушек, как моя Вика, еще поискать! – он удовлетворенно прищелкнул языком и счастливо разулыбался. – Что ножки, что фигурка, что мордашка... Нет, мать, это ты из вредности так говоришь.

– Совсе не из вредности! – искренне возмутилась я. – К тому же у нее мерзкий папаша! А у таких мерзких родителей не может быть нормальных детей. У нее наверняка искалеченная психика. У такого мерзопакостного лысого солдафона может быть только мерзопакостная...

– Все! Стоп! – Славка подскочил на месте, словно ему под пятки высыпали раскаленных углей. – Не смей оскорблять свою будущую невестку в моем присутствии! Она моя жена без пяти минут! И я ее люблю больше жизни! Мать, давай договоримся на будущее. Свое мнение о них обоих держи при себе.

– Так ты еще и за папу заступаться вздумал? – Мне не хотелось плакать при нем, но слезы обиды просто закипели в моих глазах. – Чем же он-то тебя купил? Что такого он успел сделать для тебя, чего не успела я? Славка! Ты говоришь страшные вещи! Я просто не узнаю тебя!

Он печально вздохнул и взъерошил волосы.

– Извини, – буркнул он после паузы, которая показалась мне излишне затянутой. – Давай не будем ссориться из-за всего этого. Вика говорила мне, что твоя реакция – это норма. Что ни одной свекрови не может понравиться девушка, претендующая на ее сына. Тем более что воспитывала меня ты одна. И еще она говорит, что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.